

**МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНОБРНАУКИ РОССИИ)**

**Департамент государственной
политики в сфере воспитания
детей и молодежи**

Лосиновская ул., д. 51, Москва, 117997.
Тел. (499) 237-60-84. Факс (499) 237-70-54.
E-mail: d09@mon.gov.ru

25 марта 2016 г. № 09-582

Руководителям
органов исполнительной власти
субъектов Российской Федерации,
осуществляющих государственное
управление в сфере образования и
молодежной политики

О направлении материалов

Департамент государственной политики в сфере воспитания детей и молодежи Минобрнауки России во исполнение пункта 2.2 протокола заседания Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации от 18 сентября 2013 г. «О проведении мониторинга, направленно на изучение проблем и социального самочувствия детей и подростков, диверсионного поведения молодежи, анализ деятельности развития молодежных субкультур» направляет для использования в работе методические материалы по противодействию распространению экстремизма в молодежной среде.

Приложение 1: на 4 л. в 1 экз.

Приложение 2: на 3 л. в 1 экз.

Заместитель директора Департамента

С.М. Брызгалова

Е.В. Болдырев
(499) 236-18-94

Основные направления реализации комплекса мер по профилактике экстремизма и ксенофобии

Кардинальные преобразования, происходящие во всех сферах жизни нашего общества, заметно отражаются на нравственном поведении молодежи, когда происходит ломка традиционных моральных стереотипов, а в результате возрастает возможность проявления в молодежной среде различного рода негативных явлений. Молодежь, как никакая другая демографическая группа, испытывает на себе прессинг от навязываемых поведенческих догматов, от тотальной регламентации ее действий, от отчужденности при решении не только глобальных социально-экономических проблем, но и локальных вопросов, связанных с ее собственной жизнью. Такая «конфронтация» представителей подрастающего поколения с институтами государственной власти и управления, наложенная на сложности и противоречия процесса социализации в новых социально-экономических и политических условиях, разразилась «взрывом» молодежной деструктивности: обвальным ростом преступности, наркомании, проституции и других видов отклоняющегося поведения.

Исходными при исследовании отклоняющегося поведения являются представления об обществе, государстве и личности. При этом предполагается, что общество соотносится с личностью, равно как и личности между собой, посредством моральных норм, ценностей, прав и обязанностей. Государство регламентирует деятельность граждан с помощью законов, а сами граждане взаимодействуют друг с другом на основании прав, обязанностей, личностных мотивов, интересов, потребностей и целей. Исходя из этого, выявляются и различные виды поведения личности (группы личностей), в том числе такие, которые могут отклоняться от групповой, общественной или государственной нормы. Так возникает идея асоциального, антиобщественного, противоправного поведения и других видов поведения, характеризующихся несовпадением поведения личности (группы) с групповыми нормами, общественными ожиданиями, оценками и государственными предписаниями.

Девиантное поведение, одними из серьезных вариантов которого являются ксенофобия и экстремизм, рассматривается как одна из центральных проблем системы образования. По мнению многих авторов здесь можно выделить несколько актуальных направлений деятельности.

Первое направление – это превенция экстремизма несовершеннолетних, построение и осуществление стратегии профилактической работы. В самом общем плане эта работа, по мнению многих исследователей (Реан А.А., Регуш Л.А., Дандарова Ж.К., Коломинский Я.Л., Марцинковская Т.Д., Дубовская Е.М., Белинская Е.П. и др.) должна сводиться к обеспечению эффективного процесса социализации личности.

Пространство социализации современных людей значительно расширилось и усложнилось. Это связано и с процессами глобализации, и с изменчивостью современной культуры, норм, ценностей и правил поведения людей в мире. Новой эпохе свойственны представления о пассионарности и активности людей в конструировании окружающего мира, ярко выраженное состояние неопределенности в понимании целей и направления развития общества и, к сожалению, и такие черты как серьезные межэтнические и межконфессиональные конфликты. Изменчивость мира и его образа в сознании людей разной ментальности, образования и социальной принадлежности меняет и само представление о межличностных и межгрупповых отношениях и атрактивности партнеров, проблематизируя или, напротив, упрощая контакты с людьми другой культур.

Проявления глобализации сказываются не только на экономике и политике, но затрагивают все стороны взаимодействия разных культур – от обмена технологиями и совместных научных разработок, до смешанных браков. Существенное влияние оказывают эти процессы и на восприятии людьми окружающего пространства, которое начинает восприниматься как свернутое, а сама Земля – как небольшая планета, расстояния между разными точками на которой совсем не так велики, как прежде казалось. Естественно, это не может не проявиться в представлениях об окружающем мире. Если в прежние века время и пространство казались людям бесконечными, сегодня люди понимают быстротечность и ограниченность жизни, и легкость перемещения в пространстве. Это придает другую ценность жизни, а также необходимость принятия факта существования других людей и других культур.

В то же время взаимодействие людей, имеющих разную ментальность, разные языки, разные ценности приводит к необходимости осознания и на бытовом, и на научном уровне относительности наших представлений об истине. Важным становится оценка одной и той же позиции с разных точек зрения, в разных

подходах и разных науках. Таким образом, междисциплинарность, полипарадигмальность и постмодернизм, о которых заговорили методологи, не являются совершенно абстрактными понятиями, эти тенденции продиктованы не только научными изысканиями, но и самой жизнью¹.

Еще один пласт проблем, актуализирующих тенденции, развиваемые постнеклассической психологией, связан с кардинальными изменениями социальной ситуации, ценностных ориентаций и нормативов, преобладающих в идеологии современного (и не только российского) общества. Эти изменения привели к нарушению социальной стабильности и снизили уровень укорененности и социализированности людей.

Современное общество ставит перед человеком большое количество сложных, неоднозначных жизненных ситуаций, требующих осознанного и адекватного выбора. В то же время у многих людей нет понимания разности своих социальных представлений, нет умения отделять эмоциональные отношения от рационального взаимодействия. Поэтому подходы, раскрывающие разное содержательное наполнение дискурсов при различных межличностных дистанциях, в разных ролевых позициях партнеров, являются крайне актуальными [Андреева Г.М., 2000, Бергер П., Лукман Т., 1995].

Так как объективация мотивов поведения человека в ситуации неопределенности не может уже соотноситься с поступком, как феноменом личности, естественной представляется позиция, при которой психическая жизнь человека выводится из-под законов естественнонаучной детерминации, но вводится в русло культурной детерминации, управляющей продуктивной деятельностью людей. При этом именно в контексте определенной культуры и социальной ситуации развития можно судить и о причинах, и о смысле того или иного поступка человека, и о его значении для окружающего. Междисциплинарность культуры, в которой связываются воедино многие пласты действительности, разорванные в отдельных областях знания, идеально подходит для многомерного и сложно сконструированного мира, которым является современное общество [Шпет Г.Г., 1996]. В междисциплинарном и, шире, в межкультурном взаимодействии может быть сформировано и новое понимание человека в системе многомерных взаимоотношений, которые он создает в процессе жизни [Категория переживания в психологии и философии, 2005]. Междисциплинарный характер культуры

¹ Марцинковская Т.Д. Концепции социализации и индивидуализации в современной психологии. М. 2010.

проявляется и в том, что ее роль в процессе становления новой идентичности может анализироваться и в контексте теории самоорганизации И.Р. Пригожина, так как культура может рассматриваться как фактор, структурирующий и выстраивающий процесс социализации и становления социокультурной идентичности в кризисные периоды.

Изменчивость социальных представлений и ценностных ориентаций находит отражение не только в актуализации проблемы идентичности в психологической науке, но и в большом количестве исследований, посвященных анализу социализации и границ активности человека в этом процессе [Фельдштейн Д.И., 2003].

Ниже будет подробнее рассмотрено влияние культуры как одного из ведущих факторов, обеспечивающих позитивную социализацию и профилактику ксенофобии и экстремизма.

Второе направление – это специальная работа психолога системы образования с девиантными, делинквентными, склонными к экстремизму детьми и подростками. В рамках этого направления можно выделить научно-методическую разработку основных подходов к коррекционной работе, программ специальных тренингов и индивидуальной коррекционной работы. В качестве важнейших и актуальных областей таких разработок, полагаем можно считать: формирование направленности личности и просоциальных установок, развитие позитивной Я-концепции, формирование социально-психологической компетентности и навыков адекватного межличностного взаимодействия в группе, индивидуально-коррекционная работа при различных типах дисгармоничности характера, развитие ответственности личности или, иначе, интернального локуса контроля. В рамках этого же направления важной задачей является построение эффективного взаимодействия и соподчиненной деятельности с педагогами и с семьей.

Третье направление – это определение специфики и уточнение компетенции различных организационных форм деятельности в области превенции и коррекции асоциального поведения, а также ресоциализации девиантных, делинквентных, склонных к экстремизму несовершеннолетних. В первую очередь здесь имеются в виду такие социальные институты, как школа, профтехучилище, ППМС-центры, подразделения по делам несовершеннолетних (ПДН), специализированные консультативные центры, а также, в качестве так называемой проектной формы

организации деятельности, - специальные профильные программы районного и городского уровня.

Четвертое направление – это построение эффективной системы специальной подготовки, переподготовки и повышения квалификации психологов системы образования в области проблем асоциального, девиантного и делинквентного поведения несовершеннолетних, ресоциализации личности. Проблема личностного развития подростков и юношества «группы риска» - это комплексная социально-психологическая проблема, требующая разрешения и оказания им психологической поддержки.

2 Особенности построения работы по профилактике экстремизма

Специфика индивидуальной и групповой профилактики девиантного поведения в подростковом и юношеском возрастах требует учета:

- психологических процессов (особенности воображения, внимания, мышления, памяти, восприятия и др.), которые происходят в сознании правонарушителя при формировании антиобщественных взглядов, убеждений, привычек, при зарождении противоправных замыслов и осмыслении путей их реализации;

- уровня мировоззренческого и нравственного развития подростка-правонарушителя, моральных мотивов, присущих данному ребенку чувство стыда перед родными, знакомыми, боязнь наказания, осуждения коллектива и т. п.), которые, как правило, заставляют его сохранять в тайне свои антиобщественные взгляды, вести «двойную жизнь». Поэтому не всегда удается своевременно выявить таких подростков, определить причины отклонений в их поведении, образе жизни, а значит, и вовремя оказать на них эффективное воспитательное профилактическое воздействие;

- характерных особенностей личности правонарушителя, уровня его сознания, движущие им мотивы, а также его поведение до и после правонарушения;

- обстоятельств, при которых у подростка возникли антиобщественные намерения, зрела и реализовывалась решимость совершить правонарушение или аморальный проступок;

- отрицательных факторов конкретной среды (ближайшее окружение в школе, в семье, на улице), вызывающих эти мотивы противоправного поведения.

Зачастую отрицательное воздействие на молодого человека микросреды, жизненных неурядиц продолжается в течение длительного времени, изменяет его

личность, способствует становлению на антиобщественный путь. Своевременное вмешательство в этот процесс социального педагога может предотвратить негативное влияние на юношу или девушку, изменить их взгляды, убеждения, направить энергию в общественно полезное русло.

Когда становятся известны субъективные представления, цели и намерения ребенка, совершившего правонарушение, поняты и оценены мотивы, убеждения, ценности личности, можно приступать к комплексной разработке программы воспитательно-профилактического воздействия на правонарушителя.

Профилактическое воздействие становится оптимальным, если оно учитывает особенности и тенденции развития личности и совпадает с ее внутренними побуждениями. Процесс внешнего профилактического воздействия тогда как бы сливается с процессом самовоспитания, саморазвития. Естественно, что результаты такого совпадения оказываются максимальными. Очень часто этот эффект в профилактике правонарушений зависит не столько от силы внешнего воздействия, сколько от умения привести внешнее воздействие в соответствие с особенностями личности.

Структура и содержание индивидуальной и групповой профилактической программы работы со склонными к экстремизму и ксенофобии подростками и юношами.

Оптимальный выбор индивидуально-профилактических мер воздействия на личность правонарушителя в значительной степени зависит от того, насколько состоятельны профилактические программы ее социального оздоровления, которые должны включать следующие важнейшие компоненты:

— цели индивидуально-профилактического воздействия, главная из которых — формирование у подростка убежденности в том, что необходимо неуклонно следовать требованиям норм морали и права;

— методы и приемы воспитательного и контролирующего воздействия на личность, учитывающие, какие недостающие качества ей следует привить и какие отрицательные черты необходимо устранить;

— формы воздействия на непосредственное окружение личности с тем, чтобы ликвидировать отрицательно влияющие на нее факторы и утвердить способствующую перевоспитанию систему межличностных отношений;

— средства индивидуально-профилактического воздействия, ориентированные именно на те трудовые и учебные коллективы, социальные

ячейки, общественные и государственные организации, которые в состоянии дать наибольший воспитательный эффект применительно к данному ребенку;

— основные этапы реализации профилактических программ социального оздоровления личности.

При реализации профилактической программы необходимо соблюдение следующих требований:

— содержательность, направленность, непрерывность процесса перевоспитания;

— осознание перспективности в перевоспитании;

— изучение, с одной стороны, требований общества к несовершеннолетнему правонарушителю, а с другой — индивидуальных особенностей и общих законов развития личности подростка;

— поддержка и развитие внутренних, зачастую внешне не проявляющихся, общественно полезных интересов и способностей ребенка;

— отсутствие навязчивости и назойливости в перевоспитании;

— терпение и выносливость всех участников воспитательного профилактического процесса.

— активность самого подростка, чтобы он понимал оказываемое на него воздействие, проявляя при этом свою инициативу и волевое усилие.

При разработке программы индивидуального профилактического воздействия в качестве ведущей цели определяется изменение личности несовершеннолетнего в сторону общепринятых норм, правил и иных социальных ценностей. Причем эта цель реализуется не сразу, а спустя месяцы или годы.

Исходя из поставленной цели, определяется и круг задач. Основными из них являются: восстановление и развитие нормальных позитивных интересов несовершеннолетнего; нормального общения; чувства социальной ответственности и дисциплины.

Для достижения поставленных задач перевоспитания несовершеннолетнего, по нашему мнению, важно составить психологический, социальный, моральный «портрет» данного ребенка с целью выявления прежде всего позитивных моментов в образе жизни данного подростка, их устойчивости, а также его потребностей, интересов, склонностей. Изучается прошлый опыт ребенка, конкретные криминогенные факторы среды, оценивается его готовность к восприятию

оказываемого на него воспитательного воздействия и отношение к общественно полезным ценностям.

Рекомендуется обращать особое внимание на возможности семьи в перевоспитании и исправлении поведения несовершеннолетнего. В то же время, если родители не в силах управлять стремлениями своего ребенка и допускают развитие у него чрезмерных претензий, появление элементов пренебрежения к нормам общественной жизни, то социальному педагогу необходимо оценить роль семьи в процессе перевоспитания: либо включить семью в процесс исправления поведения подростка, либо, если речь идет об устойчивых вредных влияниях внутри семьи, - об изъятии подростка из этой среды.

Эти показатели, с нашей точки зрения, являются важнейшими критериями оценки личности правонарушителя и играют существенную роль в последующем ее формировании. Конкретные факты поведения правонарушителя на производстве, в учебном заведении, в семье, его добросовестность или безответственность, инициатива или пассивность свидетельствуют, по нашему убеждению, о желании или противодействии осознанию долга и ответственности перед обществом за свое дальнейшее поведение.

Выбор методов индивидуального профилактического воздействия осуществляется с учетом ведущей сферы деятельности подростков и юношей. В индивидуальной профилактике правонарушений активно могут применяться методы стимулирования, торможения. По своему содержанию они значительно богаче, чем традиционные методы поощрения и наказания.

Порядок проведения и содержание профилактических мероприятий индивидуализируются в зависимости от факторов, основными из которых являются: характеристика личности правонарушителя; ранее предпринимавшиеся усилия для перевоспитания, их результаты; методы, еще не применявшиеся по отношению к нему; сложившееся общественное мнение; степень готовности коллективов выполнять воспитательные функции, а также наличие опыта профилактической работы у лиц, непосредственно занимающихся данным контингентом (например, в полиции), и у общественников, уровень их интеллекта, авторитетности суждений и оценок для окружающих и тех, к кому применяется воспитательно-профилактическое воздействие.

При рассмотрении индивидуальной и групповой профилактики выделено три уровня воспитательно-профилактического воздействия на личность склонных к экстремизму подростков и юношей:

Первый (макро уровень) — воспитательно-образовательная система. Воспитательно-профилактическое воздействие всей системы воспитания и обучения в многообразии форм нравственно-воспитательной, культурно-воспитательной работы, содействии в бытовом и трудовом устройстве, овладении трудовыми навыками, повышении производственной квалификации, принятии мер, направленных на устранение обстоятельств, оказывающих отрицательное влияние на условия жизни и воспитания несовершеннолетних правонарушителей, привлечение их к участию в спортивных и других кружках, секциях, направление в летнее время в военизированные, спортивно-трудовые и другие специализированные лагеря и т. п.

Определенным типам криминогенных факторов или причинных комплексов, обуславливающих соответствующие виды и формы противоправного поведения, должны соответствовать адекватные системы предупредительных мер и механизм их реализации.

В связи с этим в оптимизации процесса предупреждения правонарушений несовершеннолетними важнейшим звеном считаем мы, становится определение источников социально-негативного влияния на подростков, в том числе и взрослых лиц, характеризующихся антиобщественным поведением, а также разработка механизма защиты от их отрицательного воздействия.

Следует особо подчеркнуть, что немаловажное значение в конкретизации программы и технологии защиты несовершеннолетних имеет установление форм и способов негативного влияния взрослых на подростков, в качестве которых могут выступать: личный пример, уговор, дача советов, угрозы, принуждение, шантаж, подкуп, унижение, убеждение, запугивание, обман. Существенным здесь нам представляется также и то, что формы отрицательного воздействия нередко чередуются, дублируются, применяются интенсивно и в достаточно сжатые сроки.

Экстенсивность и интенсивность влияния, как нам кажется, во многом обуславливается криминогенной характеристикой взрослого, которая может включать:

- наличие незначительных отклонений в поведении,
- совершение административных правонарушений,

- совершение в прошлом преступления,
- совершение в прошлом нескольких преступлений.

Естественно, что в данном процессе негативного влияния на подростка преуспевают, по нашему твердому убеждению, лица, имеющие наибольший антисоциальный и преступный опыт.

Наиболее эффективно механизм защиты несовершеннолетних от отрицательного воздействия взрослых правонарушителей применялся нами при учете условий социально-негативного характера. К ним мы относим следующие: неблагоприятные условия семейного воспитания, неблагоприятное неформальное окружение подростков, низкая учебная дисциплина в учебном заведении, неудовлетворительная организация досуга по месту жительства несовершеннолетних, социально-психологические особенности несовершеннолетних.

При достаточно интенсивном воздействии взрослых правонарушителей на подростков у последних происходит нарушение определенных морально-правственных и правовых знаний и представлений. В последующем отрицательное воздействие взрослых, по нашему мнению, трансформируется в непосредственное вовлечение несовершеннолетних в антиобщественное поведение (употребление спиртных напитков, сильнодействующих наркотических или других одурманивающих средств, занятие попрошайничеством, проституцией, азартными играми, ведение паразитического образа жизни и т. д.) или в преступную деятельность.

Возникновение и дальнейшее развитие отношений между взрослыми и подростками, по нашему убеждению, обуславливается пространственно-коммуникативными связями субъектов общения.

Для нейтрализации негативного влияния ближайшего антисоциального окружения подростков должен быть запущен механизм нейтрализации отрицательного влияния взрослых на несовершеннолетних, субъектами которого являются:

- оперативные уполномоченные уголовного розыска,
- сотрудники инспекций по делам несовершеннолетних,
- участковые инспектора полиции,
- социальные педагоги,

— сотрудники иных организаций, связанных с профилактикой правонарушений.

Объектами механизма нейтрализации выступают:

- несовершеннолетние, подвергнутые отрицательному воздействию,
- взрослые, оказывающие негативное воздействие на подростков,
- среда жизнедеятельности несовершеннолетних и взрослых.

Основными целями функционирования механизма нейтрализации влияния взрослых правонарушителей, на наш взгляд, являются:

— выявление несовершеннолетних, допускающих отклонения в поведении, совершающих правонарушения или преступления, а также взрослых, оказывающих отрицательное влияние на них;

— установление форм и характера контактов взрослых с несовершеннолетними, фактов их отрицательного влияния на подростков, а также социально-неблагоприятных условий жизнедеятельности подростков и взрослых;

— фиксация источников информации и доказательств о формах и способах отрицательного влияния взрослых на подростков, а также результатов их отрицательного влияния;

— профилактическое воздействие на несовершеннолетних, допускающих отклонения в поведении, а также на взрослых, оказывающих отрицательное влияние на подростков.

Для достижения этих целей рекомендуем применять следующие формы нейтрализации отрицательного влияния взрослых на подростков, которые могут оказывать эффективное коррекционное воздействие:

- беседы с несовершеннолетними, допускающими отклонения в поведении, вовлечение их в секции, клубы, детские и молодежные общественные объединения (например, в скаутские организации);
- встречи с учителями, кураторами, мастерами групп производственного обучения того учебного заведения, которое посещает подросток или по каким-либо причинам перестал посещать;
- посещение несовершеннолетних по месту их жительства;
- привлечение к воспитательной работе в качестве общественных воспитателей сослуживцев, положительно себя зарекомендовавших;
- обсуждение поведения подростка в отделе по профилактике правонарушений несовершеннолетних;

- обсуждение поведения подростка на комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав;
- объявление официального предостережения правонарушителям;
- наложение штрафа на родителей, уклоняющихся от воспитания детей;
- доставление в органы внутренних дел лиц, совершающих правонарушения и оказывающих отрицательное влияние на подростков;
- при наличии законных оснований решение вопроса о наложении на взрослых правонарушителей административного надзора;
- сбор материалов на взрослых лиц, вовлекающих подростков в антиобщественную деятельность, для решения вопроса об их привлечении к уголовной ответственности по ст. 150 (Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления), ст. 151 (Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий) УК РФ.

Второй уровень (мезо уровень) – коллектив сверстников. Воспитательно-профилактический эффект повседневного человеческого общения в коллективе сверстников, в ситуациях, когда подросток оказывается вне привычного коллектива, контактов, возникающих в школе, в быту, на отдыхе, на улице, словом, в процессе тех мимолетных, одноразовых или более длительных контактов, перечислить которые невозможно.

Третий уровень (индивидуально-личностный) — целенаправленная работа по перевоспитанию отдельных трудных подростков и юношей. Данная работа, осуществляемая в школе, профессиональных училищах и других учебных заведениях: назначение общественных воспитателей, шефов, наставников для проведения с несовершеннолетними правонарушителями индивидуальной профилактической и воспитательной работы, привлечение к ней мастеров спорта, спортсменов-разрядников, тренеров, студентов и представителей творческой интеллигенции, представителей религиозных конфессий, бывших осужденных, положительно характеризующихся после освобождения.

На этом этапе применяются как индивидуальные, так и групповые формы работы. В качестве групповых форм работы в первую очередь следует отметить организацию правовой подготовки несовершеннолетних, проведение которой вменяется в обязанность команды, состоящей в идеале из социальных педагогов, психологов, сотрудников правоохранительных органов, специалистов по социальной работе, медиков. При этом главное внимание уделяется развитию у

подростков чувства ответственности перед обществом, а также их социальному обучению.

Кроме того, правовая, психологическая, педагогическая помощь несовершеннолетним правонарушителям может оказываться в различных социальных службах: реабилитационных центрах, центрах психолого-педагогической помощи, по телефонам доверия и др.

Таким образом, система воспитательно-профилактических мероприятий значительно дополняется реально происходящим процессом, оказывающим на молодого правонарушителя определенное влияние.

Задача состоит в том, чтобы несовершеннолетнего как можно быстрее «вырвать» из сцепления неблагоприятных факторов, «направить» на него меры воспитательно-профилактического характера, а в некоторых случаях уделить ему больше элементарного человеческого внимания, ограничить срок нахождения под отрицательным воздействием, помочь сформировать крепкие социальные связи позитивного характера.

Зная отдельные, пусть и малозначительные, поступки несовершеннолетнего, важно не допустить формирования антиобщественных взглядов, даже если на него уже было оказано какое-то неблагоприятное воздействие. Именно в этом случае своевременное положительное воздействие разнообразных индивидуальных общественных средств (с помощью родителей, друзей, учителей, воспитателей, путем перемены обстановки, окружающей человека, и т. д.) может устранить отрицательное влияние, заменив его социально-положительной информацией. Окончательное искоренение антиобщественных поступков предполагает (с момента их выявления) разрушение отношений, способствующих их совершению, и восполнение новыми.

Преодоление в сознании молодых правонарушителей антиобщественных индивидуалистических взглядов, привычек и наклонностей достигается последовательным и непрерывным воспитательно-профилактическим воздействием. Разовое обсуждение на собрании, заседании актива, в беседе не дадут желаемого эффекта без систематической работы с антиобщественными привычками и наклонностями. Причем вся многогранная индивидуальная профилактика должна опираться на основные положения психологии, педагогики, криминологии и других наук, придающих ей методический характер. Практическая сторона этой деятельности состоит в оказании содействия таким подросткам в трудоустройстве,

создании нормальных бытовых условий, нормализации отношений в семье и среди окружающих, ограждении их от отрицательного влияния со стороны окружающих, зачастую старших по возрасту и допускающих аморальные поступки.

Вместе с тем, когда подросток находится в сфере контроля и перевоспитания, обращаться с ним надо осторожно и тактично. Требуется глубоко знать внутренний мир молодого человека, учитывать его постоянное развитие, усложняющееся в соответствии с возрастом. Развитие юноши и девушки происходит в движении, в действии, поэтому целесообразно создавать им необходимые условия и обстановку для проявления способностей, интересов, устремлений, чтобы они как бы наталкивались на то, что их могло бы наиболее сильно увлечь.

Управление индивидуальным профилактическим воздействием должно быть нацелено на развитие общественно полезной активности, инициативы, самостоятельности личности, на осознание его необходимости, самосовершенствования, самовоспитания и осуществления практических действий в данном направлении. В этом случае управление содействует развитию подлинной свободы личности, ее относительной самостоятельности, способностей и дарований, повышению активности, обуславливающих ее позитивное отношение к учению, работе, коллективу, семье.

Воспитательно-профилактические мероприятия должны носить комплексный характер, так как только разносторонний подход к личности как единому целому, сочетание влияний на ее различные стороны ведут к максимальным конечным результатам. Практика показывает, что профилактическое воздействие лишь на одну из сторон характера подростка при неучёте или недооценке других, ведет к иллюзорному положительному эффекту, к торможению развития некоторых позитивных черт поведения личности в целом. Так, односторонний подход часто проявляется в увлечении словесными методами воспитательно-профилактического воздействия на сознание и в недооценке организации активной практической деятельности, вовлечения в интересные общественно полезные занятия, в забвении правильной организации общения подростков в коллективах и т. п.

При комплексном характере воздействий внешние факторы наиболее эффективно находят преломление во внутренних изменениях личности, способствуют позитивному ее развитию. В то же время надо четко представлять себе критерии эффективности воспитательно-профилактического воздействия, которые позволяют объективно судить о результативности процесса пе-

ревоспитания. Одним из наиболее мобильных параметров является разнообразная занятость подростка. Однако речь идет не просто о занятости времени, а о занятости, расширяющей и углубляющей круг позитивных интересов и общения. Именно благодаря учебной, познавательной, общественной, трудовой, практической деятельности осуществляется взаимодействие личности со средой и членами коллектива. Поэтому в целях успешного перевоспитания молодого правонарушителя надо обеспечить расширение, обогащение связей его с коллективом, с обществом, развивать способность самостоятельно и правильно регулировать свои социальные связи и отношения. В этом плане неоценимую помощь оказывают молодежные программы, подростковые и юношеские объединения, спортивные школы, клубы и т. п. Именно в них молодой человек может проявить себя по-новому, осмыслить свое поведение.

2.1 План мероприятий по профилактике экстремизма для разных ступеней образования: основного общего образования; среднего общего образования; профессионального образования

Разработанные предложения по комплексу мер по реализации национальной стратегии воспитания детей и молодежи должны содержать план мероприятий по профилактике экстремизма для разных ступеней образования:

- основного общего образования;
- среднего общего образования;
- профессионального образования

План мероприятий по профилактике экстремизма для основного общего образования

1. Превенция экстремизма несовершеннолетних, построение и осуществление стратегии профилактической работы:

- обеспечение эффективного процесса социализации личности;
- работа с семьями учащихся.

2. Специальная работа психолога системы образования с девиантными, делинквентными, склонными к экстремизму детьми и подростками:

- научно-методическая разработка основных подходов к коррекционной работе,
- научно-методическая разработка основных подходов к программам специальных тренингов

– научно-методическая разработка основных подходов к индивидуальной коррекционной работы.

План мероприятий по профилактике экстремизма для среднего общего образования

1. Превенция экстремизма несовершеннолетних, построение и осуществление стратегии профилактической работы.

2. Специальная работа психолога системы образования с девиантными, делинквентными, склонными к экстремизму детьми и подростками.

3. Определение специфики и уточнение компетенции различных организационных форм деятельности в области превенции и коррекции асоциального поведения, а также ресоциализации девиантных, делинквентных, склонных к экстремизму несовершеннолетних.

4. Построение эффективной системы специальной подготовки, переподготовки и повышения квалификации психологов системы образования в области проблем асоциального, девиантного и делинквентного поведения несовершеннолетних, ресоциализации личности.

План мероприятий по профилактике экстремизма для профессионального образования

1. Содействие в бытовом и трудовом устройстве, овладении трудовыми навыками.

2. Содействие в повышении производственной квалификации.

3. Принятие мер, направленных на устранение обстоятельств, оказывающих отрицательное влияние на условия жизни.

4. Привлечение их к участию в спорте и творческой деятельностью.

5. Создание соответствующих адекватных систем предупредительных мер и механизмов их реализации.

6. Привлечение общественных воспитателей, шефов, наставников для индивидуальной профилактической и воспитательной работы, привлечение к ней мастеров спорта, спортсменов-разрядников, тренеров, студентов и представителей творческой интеллигенции, представителей религиозных конфессий.

2.2 Профилактическая и коррекционная работа

При организации коррекционной деятельности с девиантными подростками и юношами необходимо, прежде всего, исходить из понимания социально-педагогиче-

ческой сущности отклоняющегося поведения и учета специфики влияния среды на развитие личности.

Существуют различные формы и методы психокоррекционной работы, основными среди них являются психотерапия, психологическое консультирование, психологический тренинг (Змановская, 2003; Беличева, 1993; Кулаков, 2001).

В числе наиболее распространенных вариантов тренинга различают:

Тренинг резистентности (устойчивости) к негативному социальному влиянию. В содержании такого тренинга изменяются установки на девиантное поведение, формируются навыки распознавания рекламных стратегий, развивается способность говорить «нет» в случае давления сверстников, дается информация о возможном негативном влиянии родителей и других взрослых (например, употребляющих алкоголь) и т. д.

Тренинг ассертивности, или аффективно-ценностного обучения. Базируется на представлении о том, что экстремизм непосредственно связан с эмоциональными нарушениями. Для предупреждения данной проблемы подростков обучают распознавать эмоции, выражать их приемлемым образом и продуктивно справляться со стрессом. В ходе групповой психологической работы также формируются навыки принятия решения, повышается самооценка, стимулируются процессы самоопределения и развития позитивных ценностей.

Тренинг формирования жизненных навыков. Прежде всего, это развитие умения общаться, поддерживать дружеские связи и конструктивно разрешать конфликты в межличностных отношениях, а также способности принимать на себя ответственность, ставить цели, отстаивать свою позицию и интересы. Наконец, жизненно важными являются навыки самоконтроля, уверенного поведения, изменения себя и окружающей ситуации.

Выделяются также такие формы профилактики и коррекции экстремизма, как:

– *организация деятельности, альтернативной экстремизму и ксенофобии.*

Данная форма коррекции связана с представлениями о необходимости заместить девиантное поведения какой-либо альтернативой. Например, аддикция может играть важную роль в личностной динамике (повышение самооценки или интеграция в референтную среду). Предполагается, что люди используют психоактивные вещества, улучшающие настроение, до тех пор, пока не получают взамен что-то лучшее. Альтернативными формами активности признаны: познание (путешествия),

испытание себя (походы в горы, спорт с риском), значимое общение, любовь, творчество и т.д. (Гоголева, 2002; Менделевич, 2001).

- *поведенческая коррекция* признается одной из наиболее адекватных и эффективных форм психологического воздействия на личность с отклоняющимся, склонным к экстремизму поведением. Поведенческий подход имеет ряд очевидных преимуществ, так как для него характерны концептуальная четкость и относительная простота методов.

Коррекция поведения дезадаптированных подростков и юношей

Одной из основных форм социально-педагогической работы с дезадаптированными учащимися является их реабилитация.

Реабилитация может рассматриваться как система мер, направленных на решение задач достаточно широкого диапазона – от привития элементарных навыков до полной интеграции человека в обществе.

Социальная реабилитация – это система мер, имеющих своей целью возвращение ребенка к активной жизни в обществе и общественно-полезному труду. Этот процесс является непрерывным, хотя и ограничен временными рамками.

Существует несколько форм социально-реабилитационной работы:

1. Индивидуально-психологическая поддержка, осуществляемая путем включения дезадаптированного подростка или юношу в систему гуманизированных межличностных отношений, опосредованных общественно полезной деятельностью.

При построении социально-педагогической реабилитационной программы работы с учащимися девиантного поведения в качестве базовых учитываются следующие положения:

- опора на положительные качества учащегося, т.е. необходимо следовать путем создания для него «ситуации успеха»;

- формирование будущих жизненных устремлений (например, работа, направленная на определение будущей профессии, помощь в выборе соответствующего интересам и возможностям учебного заведения и в трудоустройстве);

- включение учащегося в значимую для него общественно-полезную деятельность;

- глубокая доверительность и уважение во взаимоотношениях с учащимся.

В процессе реабилитационной социально-педагогической и психологической деятельности специалист выполняет три функции:

а) восстановительную, предполагающую восстановление тех положительных качеств, которые преобладали у учащегося до наступления дезадаптации;

б) компенсирующую, заключающуюся, во-первых, в формировании у учащегося стремления исправить те или иные качества личности путем включения в общественно-полезную деятельность, активизации его потребностей в самосовершенствовании на основе самоанализа своих поступков и выработки самокритичного отношения к себе; во-вторых, в формировании морально-нравственных ценностей и идеалов;

в) стимулирующую, направленную на активизацию положительной мотивации деятельности подростка, предполагающую различные воспитательные приемы (внушение, убеждение, пример и др.).

В зависимости от личностных особенностей учащегося и условий, в которых он находится, строятся направления социально-педагогической и психологической работы.

Предкризисное состояние учащегося, обусловленное социальной запущенностью вследствие конфликтов в семье или со сверстниками, побегами из дома, непосещением учебного заведения, предполагает такие виды деятельности специалистов, как индивидуальное консультирование; включение учащегося в тренинговые группы с целью коррекции негативных эмоционально значимых ситуаций; индивидуальная работа с системой ценностей ребенка; обучение социальным навыкам, способам эффективного общения, конструктивному поведению в конфликтных ситуациях.

Кроме этого необходима работа с семьей, которая основана на диагностике педагогических позиций семьи; индивидуальном консультировании; включение родителей в тренинговые группы по обучению эффективному родительскому взаимодействию с ребенком.

Кризисное состояние, характеризующееся внешним проявлением различных форм девиантного поведения (агрессией, асоциальным поведением и др.), требует использования экстренной диагностики эмоционального состояния; выявления причин данной проблемы; обучения навыкам решения возникающих проблем, умениям управлять своими эмоциями; помощи в формировании позитивной «Я-концепции» и др.

Исследования С.Л. Беликовой показывают, что индивидуальная социально-педагогическая и психологическая работа является недостаточно эффективной, поскольку лишь у 15 % подшефных удалось добиться устойчивого улучшения поведения. Более эффективен коррекционный подход в рамках специально организованных коллективов для подростков.

2. Включение социально-дезадаптированных подростков и юношей в педагогически организованную среду коллектива специализированного подросткового или юношеского клуба.

Социально-педагогическая работа по созданию такого коллектива, безусловно, имеет свои законы и технологию, без знания и соблюдения которых коллектив способен превратиться в орудие беспощадного подавления индивидуальности.

Как показала экспериментальная работа С.А. Алексеева, наиболее эффективно воспитательные функции временных коллективов осуществляются в том случае, когда соотношение «трудных» и «благополучных» составляет 1:3. В коллективе подросткового клуба была специально организована среда, где восстанавливались социальный статус и утраченные навыки социально одобряемого поведения «трудных» подростков.

Включение девиантных подростков и юношей в специализированный коллектив характеризуется следующими стадиями:

I стадия – период адаптации. Важно, опираясь на первоначальные мотивы, приведшие учащихся в клуб, приобщить их к различным коллективным делам и нормам коллективной жизни.

II стадия – период частичной неустойчивости ресоциализации, характеризующийся активным включением учащегося в коллективную деятельность клуба, принятием коллективных норм, отказом от асоциальных форм поведения. Однако в это время еще возможны рецидивы асоциальных отклонений.

III стадия – период полной ресоциализации, характеризующийся практически завершением процесса ресоциализации, когда у юноши складываются достаточно твердые убеждения, социальные ориентации, происходит профессиональное самоопределение, формируется самосознание, способность к самоанализу, самовоспитанию, появляется стремление участвовать в общественной жизни, в общественно-полезном труде.

Разберем подробнее, какие методы и формы воздействия более адекватно применяются на разных возрастных этапах.

3 Мероприятия, направленные на профилактику экстремизма для основного общего образования.

Методы стимулирования позитивной мотивации

При индивидуальном консультировании:

- методика конфронтации клиента на этапе заключения терапевтического контракта;
- методика проектирования будущего (предполагает подробное описание своего будущего при сохранении девиантного поведения и без него);
- рисунки на темы, связанные с девиантным поведением, например: «Я и наркотики», «Жизнь без наркотиков».

При групповой работе:

- групповое убеждение;
- предоставление учащемуся девиантного поведения полной свободы действий при делегировании ему всей ответственности за себя и свое поведение;
- помещение личности в иную социальную среду.

3.1 Методы угашения нежелательного поведения

Существуют различные способы угашения нежелательных действий. *Наказание* – наиболее распространенный метод. Он может иметь самые различные формы: тайм-аут, использование негативных последствий реакции, предъявление авersiveного (крайне неприятного) события.

Тайм-аут – это процедура, которую поведенческие консультанты часто рекомендуют использовать при работе с агрессивными или чрезмерно подвижными детьми. При этом человека просто удаляют из ситуации, в которой негативное поведение может получить подкрепление.

Использование издержек реакции (или методика негативных последствий) подразумевает, прежде всего, лишение человека подкрепляющих стимулов тогда, когда он демонстрирует нежелательное поведение. Подкрепляющими стимулами могут быть: любимые занятия, свободное время, подарки, сладости, одобрение и внимание окружающих, успех.

Другим вариантом издержек реакции являются негативные реакции окружающих людей на отклоняющееся поведение личности. Самые

распространенные и действенные формы негативных реакций – осуждение (особенно групповое), выражение гнева, презрения и т. д. Иногда (достаточно редко) поведенческие консультанты побуждают клиентов использовать так называемые неприятные последствия или самонаказание.

Аверсивные методы относятся к более спорным технологиям, так как связаны с намеренным усилением страданий клиента. Они обычно применяются в клинической обстановке, а не в процессе консультирования. В основе аверсивного метода лежит воздействие, вызывающее выраженный дискомфорт: боль, страх, отвращение (Змановская, 2003; Моргун, 1993).

При использовании приведенных методов следует иметь в виду, что наказание эффективно, если оно, во-первых, понятно личности, во-вторых, основано на правилах, в-третьих, используется последовательно и непременно сочетается с позитивным подкреплением альтернативных (одобряемых) реакций. В целом наказание действительно приводит к снижению вероятности отклоняющегося поведения, но при этом оно, к сожалению, не повышает частоту желательных действий.

Позитивный настрой. Позитивный настрой позволяет укрепить веру ребенка в свои возможности по разрешению возникшего затруднения, он концентрирует сознательные и подсознательные силы для достижения поставленной цели.

Ролевое проигрывание. Данный способ предполагает моделирование различных реальных и идеальных ситуаций для тренировки (отработки) новых способов поведения.

Анализ ситуаций. В ходе консультирования можно проводить совместный анализ как реальных жизненных ситуаций ребенка, так и ситуаций из жизни других людей, включая примеры из литературных произведений. Вместе с информированием это помогает повысить психологическую грамотность, а также развить навыки использования психологической информации при анализе ситуаций.

Внутренние переговоры. Используются для устранения внутренних конфликтов подростка. Они предполагают выявление конфликтующих сторон (субличностей), их наименование и осуществление диалога между ними. Психолог может помочь ребенку осознать конфликтующие стороны и организовать внутренние переговоры, ведущие к компромиссу. После специальных тренировок ребенок обучается подключать к переговорам своего Творца — мудрую, творческую

силу, которая есть у каждого человека. Это помогает находить не только компромиссы, но и новые оригинальные решения.

Оказание помощи в поисках идентичности. Такая помощь весьма актуальна для подростков, которые мучительно ищут ответ на вопрос: «Кто я на самом деле?» Здесь нужны воздействия, побуждающие консультируемого к самопознанию, к осмыслению собственных поступков.

Сосредоточенное мечтание. Данный метод реализуется пошагово:

1. Составление проекта желаемого будущего. Для этого можно использовать: запись всех желаний без критики и ограничений в течение 10–15 минут; составление фильма о собственной жизни с фиксацией ряда кадров из желаемого будущего; «путешествие» на машине времени в свое будущее; мысленное путешествие в «особенное место», где можно побеседовать с мудрецом и услышать его наставления, и т.д.

2. Определение временной сетки. Если все, что выделено на первом этапе, относится к завтрашнему дню, следует подумать о ближней перспективе; если цели относятся к отдаленному времени, следует подумать о ближайших шагах их реализации.

3. Выбор наиболее важных целей и ценностей, обоснование их важности.

4. Проверка сформулированных целей и ценностей на позитивность, конкретность, достижимость, ясность, этичность.

5. Составление списка ресурсов для достижения цели.

6. Составление списка ограничений на пути к цели.

7. Составление пошагового плана достижения цели.

Конкретные действия, упражнения и процедуры, которые выбирает психолог для оказания психологической поддержки, всегда ситуативны. Они обусловлены прежде всего индивидуальными характеристиками подростка и направлены на его социализацию за счет устранения причин, препятствующих разрешению актуальных жизненных задач.

Последовательность шагов по коррекции отклоняющегося поведения является следующей. Их реализация потребует применения рассмотренных выше правил взаимодействия и способов работы.

1. Восстановление у ребенка позитивного самовосприятия, его доверия к себе и к миру;

2. Анализ проблемы, операционализация ее проявлений, выявление провоцирующих источников и причин;
3. Постановка позитивной цели, описание желаемого поведения;
4. Построение шагов роста: описание конкретных достижений через день, неделю, месяц;
5. Уточнение параметров желаемого результата (одновременно с позитивным программированием) через подробные ответы на вопросы: «Как я узнаю, что я достиг результата?», «Как другие узнают, что я достиг результата?», «Как я докажу скентнику, что достиг результата?» и т.п.;
6. Определение союзников — тех, кто поможет достичь поставленной цели;
7. Проработка возможных рецидивов старого поведения с использованием стратегии устранения рецидивов

Материалы для проведения педагогических советов, классных часов и родительских собраний.

Лекция 1. Семейное воспитание и профилактика экстремизма в молодежной среде²

Обстановка социальной напряженности в обществе, отчуждение между родителями и детьми, утрата близких родственных отношений, облегчает процесс вербовки молодежи экстремистскими организациями. В этом контексте становится актуальным не только знание научно-методологических подходов к вопросам профилактики и борьбы с проявлениями ксенофобии и экстремизма, но и знание психолого-педагогических закономерностей воспитания и социализации детей, подростничества и молодежи, позволяющих в предупреждении и преодолении асоциального, девиантного поведения эмоциональной нестабильности. Это знание позволяет существенно снизить риски распространения экстремизма.

Для педагогов и руководителей образовательных учреждений неоспорим тот факт, что важные роли в профилактике экстремизма разделяют между собой в равной степени семья и социальное окружение подростка (в т. ч. в стенах образовательного учреждения). Вместе с тем, отсутствует профилактическая работа с семьями учащихся, направленная на снижение рисков распространения экстремизма. Очень мало научно-практических разработок для педагогических и

² 2. Ванданова Э. Л. Стилевые особенности семейного воспитания [Текст] / Э. Л. Ванданова // Приоритетные направления развития науки и образования : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 12 июня 2015 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – С.230-232

управленческих кадров, позволяющих обеспечивать профилактическую работу с семьями учащихся.

В настоящее время в обществе стали обсуждаться вопросы, которых не существовало каких-нибудь 15-20 лет назад. К ним относятся вопросы о применении законов ювенальной юстиции, в части несоответствия им традиционного воспитания с применением физических наказаний в семье и опасениями перед возможными случаями нецелесообразной замены семьи на соцпатронат, о возможностях родительства в однополых браках, о цифровом разрыве между поколениями детей и родителей в ситуации, когда дети более интернет-компетентны чем их родители. Все вопросы указывают на появление изменений в сфере функционирования института семьи, затрагивающих семейное воспитание: изменения состава семьи, ее статуса, жизненного стереотипа. Возникает еще один вопрос - насколько современные тенденции мирового развития, вызванные глобализацией, технократизацией создают условия для появления изменений в функционировании общечеловеческого института семьи и воспитания в них детей.

Именно поэтому, для специалистов разных областей знаний становится важным изучение явлений, происходящих в этой сфере человеческих отношений. На этом фоне особо актуально звучат мысли французского демографа и психоаналитика Л. Демоза о том, что «центральной силой исторического изменения» является «...не техника и экономика, а психогенные изменения в личности, происходящие вследствие взаимодействий сменяющих друг друга поколений родителей и детей» [1]. В этом ключе, несомненно, что детско-родительские отношения играют немаловажную роль в культурно-исторической ситуации и то, что эволюция типов взаимодействий между родителями и детьми - независимый источник развития. Развитие индивида как личности происходит в макро- и микросреде.

Родительское поведение – это одно из первых отражений проявляющейся личности. Детско-родительское взаимодействие это двусторонний процесс, в котором не только родители оказывают влияние на ребенка (родительско-детское взаимодействие), но и ребенок оказывает свое влияние на родителя. Указанное взаимодействие, с учетом социокультурных условий, находит свое отражение в стиле семейного воспитания. В этой связи оправдано обращение к разным аспектам стиля семейного воспитания:

- проявлению индивидуально-психологических особенностей родителя в воспитании;
- родительскому поведению как отражению складывающейся личности ребенка, его позиции и представлений;
- социокультурным особенностям семейного воспитания.

Стиль семейного воспитания отражает не только поведение родителя в процессе воспитания, но и особенности складывающейся личности ребенка, его позиции и представления. Без изучения развития и деятельности человека в условиях жизни в семье нельзя достаточно глубоко раскрыть действительные, объективные закономерности и особенности формирования личности. С теоретической точки зрения семейное воспитание – системное, целенаправленное воздействие на детей взрослых членов семьи и всего семейного уклада. В задачи семейного воспитания входят подготовка детей к жизни в существующих социальных условиях, усвоение ими знаний, умений и навыков, образующих фундамент нормального формирования и функционирования личности.

По Е.А. Климову [2], проявление индивидуального стиля деятельности многообразно: это и практические способы действия и приемы организации психической деятельности, и особенности реакции и психических процессов. Под индивидуальным стилем следовало бы понимать всю систему отличительных признаков деятельности данного человека, обусловленных особенностями его личности.

Е.А. Климов выделяет следующие наиболее формальные признаки индивидуального стиля:

- а) система приемов и способов деятельности устойчива;
- б) эта система обусловлена определенными личностными качествами;
- в) эта система является средством эффективного приспособления к объективным требованиям [2, 46].

У Е.А. Климова можно также встретить наиболее общее определение стиля: «Индивидуальный стиль есть индивидуально своеобразная система психологических средств, к которым сознательно (или стихийно) прибегает человек в целях наилучшего уравнивания своей типологически обусловленной индивидуальности с предметами, внешними условиями деятельности» [2, 48].

Раскрывая сущность того или иного стиля, необходимо, прежде всего, рассмотреть вопрос о его функциях и структуре. Функция стиля будет заключаться в

адаптации деятельности к специфике условий ее осуществления. Эту функцию можно представить двумя частными функциями:

- а) адаптация деятельности к особенностям объективных внешних условий;
- б) адаптация деятельности к особенностям субъекта деятельности.

Первую из них называют социальной, педагогической и т.д., вторую - психологической функцией стиля, имея в виду, что в первом случае речь идет о приспособлении субъекта деятельности к условиям, во втором - к психологическим особенностям самого субъекта деятельности. Структура стиля зависит от характеристики деятельности.

Под стилем семейного воспитания подразумеваются отношения родителей к ребенку, характер и контроль над его действиями, способ предъявления требований, формы поощрений и наказания [3]. Таким образом, с позиций деятельностного подхода к проблемам воспитания позволительно говорить о стилях семейного воспитания, но поскольку многие исследования раскрывали лишь одну из частных функций, т.е. либо адаптацию деятельности к особенностям объективных внешних условий, либо адаптацию деятельности к особенностям субъекта, то правомернее говорить о стилевых особенностях воспитания.

Итак, стили семейного воспитания, которые могут присутствовать в семейном воспитании подростков:

Адаптация – характеризует стремление родителей изменять свое поведение. Для взаимодействия родитель выбирает позицию, которую можно представить так: «измениться должен не только мой ребенок, а также и я». Здесь были представлены два способа адаптации, один из которых опирается на гиперпротекцию, а другой - на использование повышенных требований к ребенку.

Для дезадаптации свойственно сомнение родителя в своих воспитательных возможностях и возложение вины на себя в воспитательных ситуациях. Нонадаптация предполагает наличие позиции «измениться должен только мой ребенок, но не я», с большой вероятностью возложения вины на ребенка в воспитательных ситуациях. Выбранный стиль воспитательного поведения указывает на то, что родитель придерживается сформировавшегося стиля. Этот факт соотносится с теорией стиля, принципами стилевой организации и указывает на проявление принципа кросскультурности стиля [5].

В свете обозначенных стилей семейного воспитания. Особо следует обратить внимания на стили, которые указывают на неумение родителей адаптировать свое

воспитательное поведение с учетом меняющихся внешних социальных условий. Эта категория родителей, которые не осознают существующие риски в социальном окружении подростка, в его деятельности.

1. Демоз Л., Психоистория, Ростов-на-Дону, 2000
2. Климов Е.А. Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. – Казань.: изд-во Казанского ун-та, 1969.- 230 с.
3. Психология развития: Словарь / под. ред. А.Л. Венгера. М.: ПЕР СЭ, 2005. 176 с.
4. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 2002. 656 с.
5. Стиль человека: психологический анализ / Под. ред. А.В.Либина. Москва: Смысл, 1998. — 310 с.

Лекция 2. О маргинальности в свете профилактики экстремизма в подростковой и молодежной среде

Ограниченность моделями экономического детерминизма препятствует пониманию таких социальных процессов как миграция населения, маргинализация отдельной его части, сопровождающих глобализацию. Человечество имеет определенные характеристики: антропологические, психологические, образовательные, гендерные возрастные и другие. Поэтому любой процесс осуществляемый населением вторичен к его качествам, что означает - социальные процессы также вторичны по отношению к характеристикам человечества и человека. Большинство ученых признается тот факт, что антропологические характеристики останутся неизменными, следовательно, изменение человечества должно происходить в сфере психологических характеристик.

Первый существенный момент в рассмотрении заявленной нами проблемы. Это обоснование того, что мы действительно изучаем человека, а не социологическую абстракцию. Термин маргинальность используют в научной литературе для определения поведения человека, чаще дезадаптивного, деструктивного, используют для обозначения аномии, т.е. социологического термина введенного Дюркгеймом. В результате оба термина приобрели сходное наполнение и определение, которое трактует маргинальность в качестве социального процесса. Вместе с тем, очевидно, что нельзя рассматривать социальное явление без определения психологических характеристик человека.

Если мы условно объединим все явления связанные с участием маргиналов (как их представляют СМИ), то окажется, что эти явления назвать единичными случаями будет не совсем корректно: 1) традиционно маргиналами называют лиц без определенного места жительства; 2) этнокультурные маргиналы (этнические мигранты, некоторые этнические меньшинства); 3) маргиналами и маргинальной средой признаются преступные сообщества; 4) маргиналами могут быть названы представители творческой богемы; 5) маргиналами представляют участников протестных движений; 6) маргиналы - беженцы и лица, пережившие военные действия; 7) маргиналы - спивающиеся в городах и селах люди в отсутствие работы, низкой занятости; 8) маргиналы - «успешные» менеджеры любой ценой стремящиеся к успеху, как ценой собственного труда, так и ценой судеб конкурентов.

Здесь мы наблюдаем факт слияния, пусть даже ассоциативно, разных явлений в одно, что позволяет нам представить их как единую культурно-психологическую реальность. Когда речь заходит о характеристиках маргинального человека, имеют в виду абстрактный символ «маргинал», обозначающий негативный эмоционально-оценочный императив. Изначально Р. Парк и Э. Стоунквист поставили вопрос о том, как ведет себя маргинальный человек в условиях существования на так называемой этнокультурной границе.

Вспышки массового агрессивного, девиантного поведения, объясняемые различными причинами (экономическими, политическими или протестными, на фоне проявления нетерпимости) заставляют признать существенную роль фактора маргинальности в этих процессах. Продолжать трактовать маргинальность как сумму единичных случаев, становится все сложнее. Созрела потребность в изучении этого явления на стыке различных наук. Серьезные шаги в этом направлении уже сделаны³, примером тому служит коллективная монография «Маргинальность в современной России» [1].

Дальнейшее развитие этого направления видится нам как поиск методологических оснований определения маргинальности и маргинальной личности. Двигаясь в этом направлении возможно рассмотрение маргинальности в контексте термина «культурно-психологическая реальность»⁴ предложенного М.А.

³1. Маргинальность в современной России Коллективная монография - М, 2000

⁴1. Гусельева М.С. Взаимосвязь культурно-аналитического и историко-генетического подходов к изучению социализации и становления идентичности в психологии // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 27. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 28.10.2015).

2. обращения: 28.10.2015).

Гусельцевой для обозначения исследовательской единицы [2]. Такое обозначение маргинальности, как исследовательской единицы будет опираться на положения методологии историко-генетического подхода, способствующей изучению проблемы по вертикали (в разные возрастные и исторические периоды) и горизонтали (в разных психолого-педагогических направлениях); системно-деятельностного подхода, помогающей структурировать различные концепции в целостную систему, раскрывающей специфику проблемы и способы ее изучения.

Второй момент связан с тем, насколько явление маргинальности может быть отнесено к разряду теорий изучающих отдельные аспекты глобализации и эволюционности процессов. В рамках доктрины глобализации, маргинальность трактовалась как процесс культурной адаптации мигрантов неевропейского мира. Существующие теории политической глобализации, экономической глобализации и информационно-культурной глобализации признают наличие трансформации среды человечества. Наша задача осложняется тем, что мы хотели бы, уйти от эмпиризма в исследовании проблемы маргинальности и понять ее не как совокупность эмпирически наблюдаемых симптомов, феноменов и актов, а как глубинный сущностный процесс, который появляется через те или иные явления и факты. В этой связи становится важным признание в качестве методологических предпосылок к построению методологии психологии маргинальности: идеи системной антропологической психологии (В.Е. Ключко, О.М. Краснорядцева, Э.В. Галажинский), идей становления этнокультурной идентичности и «поведения личности в условиях высокой неопределенности и множественности выбора в поликультурном обществе» (Г.У. Солдатова), становления идентичности в транзитивном обществе (Т.Д. Марцинковская, М.С. Гусельцева)⁵[3,4,5].

На протяжении длительного периода в развитии человечества трансформация выступает как основной закон действия антропологического фактора развития. Одним из основных процессов развития человечества выступает этногенез. Для этногенеза сущностью содержания являются трансформации признаков этноса, языка и других. Явление маргинальности наиболее ярко проявляется в периоды

⁵ 1. Ключко В.Е. Методологические принципы теории психологических систем //Фиксированные формы поведения в образовании, науке и культуре: материалы 1-й региональной школы молодых ученых-психологов. 2000. С. 8–16.

2. Солдатова Г., Шайгерова Л. Рефлексия множественности выбора в психологии межкультурных коммуникаций // Психологические исследования (электронный журнал). --- 2015. — Т. 8, № 40.

Марцинковская Т.Д. Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата

активизации этногенетических процессов. Так мы подходим к еще одному важному моменту в изучении поставленного нами вопроса.

Третий момент - изучение маргинальной личности трудно представить без обращения к теории этногенеза. В области теории этногенеза, для нас наиболее значимы достижения отечественных исследователей: теория Ю.В. Бромлея, спорная биолого-этнографическая концепция этноса Л.Н. Гумилева, теория этногенетических модусов развития В.П. Алексеева. Столь же значимы для построения теории маргинальной личности концепции, раскрывающие основное содержание этнопсихологических явлений, разработанные психологами, философами, этнографами. К ним относятся работы М. Мид, Р. Бенедикт, Леви-Стросс, М. Сегала, Д. Кемпбелла, М. Коула. Не менее важны традиционно рассматриваемые межкультурное взаимодействие и межэтнические контакты в рамках социогенеза, теоретические идеи Л. М. Аболина о принципе равновесия между сохранением самобытной культуры и развитием межкультурного взаимодействия разных этносов.

Таким образом, концептуально значимыми направлениями в изучении маргинальной личности являются: вектор, затрагивающий культурно-психологические феномены этногенеза; вектор, затрагивающий феномены психологической транзитивности; вектор, учитывающий принципы системной антропологической психологии.

Лекция 3. Карта агрессивного контента в интернете: манипулятивные технологии формирования установок "свои-чужие" в радикальных "сайтах ненависти"

1. Монизм – навязывание черно-белого видения реальности, отказ от представления о множественности миров («целостное мировоззрение»).

Идея о единстве мира, используется в том смысле, что в основании его существования лежит какой-то общий для всего существующего Закон (божий, природы, истории и т.п.). Этот закон описывается как абсолютное и неопровержимое знание, авторитет источника этого знания (бог (в каких-то случаях, отцы церкви), природа, история и т.п.) не может быть подвергнут сомнению. Знание, представленное в виде догм, законов или аксиом становится основанием для конструирования объяснения любого события, имеющего место в опыте конкретного человека или сообщества. Сомнение в однозначности толкования той или иной ситуации, предложенного лидерами движения (на основании апелляции к

сакральным текстам), объясняется недостаточным знанием истины или происками «врагов».

«Это мировоззрение [национально-православное] исходит из того, что мир создан Богом, который предусмотрел для своего творения и соответствующий закон должного развития – Закон Божий. Так же, как мы видим проявление Божественного порядка в химии или физике, существует и должный упорядочивающий закон в духовном мире. Но в отличие от неживой материи этот духовный закон – не жесткий детерминизм, поскольку сотворенным существам (человеку и ангелам) дарована свобода воли. Поэтому, как отмечали многие мыслители, в истории этот закон может действовать двояко, оставаясь тем же самым непреложным Божественным Законом: когда человек следует ему – этот закон действует в его судьбе как закон жизни и человек выполняет свое духовное предназначение. Когда же человек уклоняется от следования Закону Божию, он не в состоянии уклониться от последствий такого своеволия - и тогда этот закон не отменяется, а проявляется в человеческой судьбе уже как закон духовной смерти, при этом человек как бы выпадает из сферы должного Божественного бытия (так, например, растение в неблагоприятных условиях не может выпустить генетически запрограммированного в нем цветка). (<http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=156>)

«Необходимо создать систему, в условиях которой у человека формировалось бы целостное мировоззрение и оттачивалось бы непрерывно. [...] Нам необходимо сформировать у человека такое мировоззрение, чтобы та система ценностей, образ жизни, которые навязывает сегодняшнее общество, вызывали отвращение, чувство глубокой чуждости и даже ненависти, чтобы он сам захотел переделать себя, свой быт, окружающий мир. Чтобы он чувствовал себя гражданином Третьего Рима или стремился к этому, чтобы было желание строить Святую Русь и эту стройку начинать с себя. Чтобы учить других, и тем более заниматься религиозным “воспитанием”, мы должны сами иметь духовный опыт и максимально использовать труды отцов церкви. Сформировав таким образом у человека целостное мировоззрение, воспитав православного русского человека, мы добьемся того, что человек независимо от того, где он будет, с кем он будет, будет толкать нашу идею, структурируя окружающий мир под наш менталитет [...] (<http://rne.iks.ru/stat/rnubuild.htm>)

Мы осознаем, что православие мешает установлению мирового господства иудаизма, что Россия мешает установлению нового мирового порядка, что русский народ, даже как потенциальный посетитель православной государственности - бельмо на глазу мировой закулисы, что выработана методика по ослаблению и уничтожению православия, русской нации, России. Что текущая ситуация - следствие причин, заложенных в глубинах, далеких и не очень, нашей истории. Зная все это, можно легко, опираясь на один из блоков знаний, построить недостающие, так как они взаимосвязаны. Важно также, чтобы православный блок знаний был не фрагментальный, то есть описывающий только стороны быта и правила поведения в храме, но целостный: быт, общество, государство, историческая миссия русского народа» (<http://rne.iks.ru/stat/rnubuild.htm>).

«...чтобы информация усваивалась системно и последовательно, не было бы пробелов, перекосов, пустот» (<http://rne.iks.ru/stat/rnubuild.htm>).

Целостность мировоззрения (монолитность, системность, непротиворечивость, ясность и т.п.) - «можно легко, опираясь на один из блоков знаний, построить недостающие, так как они взаимосвязаны» - противостоит «мозаичности». Целостное мировоззрение невозможно без «краеугольного камня». В нашем случае, эту роль играет «религия»: нужно, чтобы «православный блок знаний был не фрагментальный, то есть описывающий только стороны быта и правила поведения в храме, но целостный: быт, общество, государство, историческая миссия русского народа». Для того, чтобы обеспечить «православию» возможность описывать мир человека во всей его целостности, его делят на «фундаментальное православие» и «прикладное православие (быт), постоянное совершенствование человека».

2. Догматизм - *отказ от сомнения*, связан с тем, что знание, которым обладают (посвященные) члены радикальных групп и содержится в базовых (программных, сакральных) текстах, абсолютно; это знание описывается как накопленная многими поколениями истина, как единственно возможный ответ на все вопросы и т.д.

С другой стороны, владение этим знанием – удел посвященных (отцов церкви, людей проникших в суть мироздания и т.п.), остальные должны воспринимать идеи, составляющие каркас этого знания как аксиомы, выучивать как догмы, не могут сомневаться так как в этом случае никогда не постигнут истину.

Правильность поведения конкретного человека (или сообщества), верное толкование им тех или иных событий, его социальная компетенция ставится в зависимость от способности толковать события на основе системы истинных знаний.

3. Одномерность - *отказ от представлений о множественной идентичности («целостное Я»)*

Современная социология говорит что поведение человека в ситуации взаимодействия во многом зависит от того каким образом он определяет ситуацию (контекст) и свое место в ней. От человека же с «целостным мировоззрением» требуется игнорирование контекста. Для него идентификационный процесс не носит творческого характера, он сводится к применению стабильной матрицы категорий. В приведенном примере, дана общая система категорий, позволяющая описывать все возможные конфликты и проблемы: «православие» – «иудаизм»; «русский народ», «русская нация» - «мировая закулиса». Мы вернемся к этому вопросу при описании специфики используемых процедур проведения границы «мы» - «они».

Стабильность применения стандартизованных процедур идентификации ассоциируется со стабильностью и неизменностью личности. Использование более гибких процедур идентификации рассматривается как «мимикрия» (ложь, предательство, слабость и т.п.) и оценивается негативно (степень негативности повышается с ростом статуса лица: если это делает «новичок», то это оценивается как «ошибка», т.к. показывает, что человек не нашел себя, не достиг идеала, если «старший группы» и «вождь», то это уже предательство, отказ от «истины» в пользу другого/ложного мировоззрения.

4. Презумпция виновности и обмана.

Посетители сайтов оказываются в своеобразном «зазеркалье», где все перевернуто с ног на голову, но именно это и представлено реальным положением дел. Все что принято считать и делать оказывается обманом / ложью и т.п.. «Общепринятые» представления рассматриваются как продукт манипуляций «мировой закулисы» (объединенных усилий «режиссеров» и «актеров»). Доминирующие в обществе представления описываются как набор ментальных клише, произведенных этими силами «с целью сокрытия своих антигуманных планов» и нерелективно усвоенных большинством людей: люди автоматически заучивают их в школе; усваивают, слушая сообщения СМИ и т.д., а затем некритически повторяют.

«Неспособность хоть немного думать» - главное обвинение, которое сторонники теории заговора бросают «большинству». Приверженность же теории заговора, участие в радикальных политических движениях изображается как результат свободного выбора, демонстрация способности самостоятельно мыслить и действовать. «Думать» и «делать самостоятельный выбор» в этом контексте означает оспаривать знание, принимаемое как очевидное. Можно предположить, что именно риторика стремления к новому (неортодоксальному) знанию и характерный пафос отказа от бездумного следования общепринятым нормам привлекает в эти движения новых людей⁶.

Ты получил глоток правды. У тебя появилось самое желанное и трудное право человека. Право выбора. Что делать дальше, решать тебе. Прощай. И удачи..(<http://maximov.boom.ru>)

В условиях информационного общества такое состояние двоемыслия достигается без всякого насилия и цензуры, мягкими технологиями нейролингвистического программирования. Команды циничных пиарщиков, не верящих ни во что, кроме убойной силы лжи, анализируют, просеивают, проектируют информацию, интерпретирующую события нужным образом, в отобранных словесных клише. Затем по специальным сценариям (все это, конечно, проплачивается) задействуются те или иные средства массовой информации, прежде всего телевидение. Результаты снова анализируются, промеряются. И так без конца [...] http://ajedrez_democratico.tripod.com/Luzhkov-MK.htm

Средством проблематизации общепринятых представлений становится переворачивание нормального языка (новояз), ревизия истории, постановка под вопрос выживания человечества.

5. Навязывание негативных речевых стереотипов

Создание нового словаря политических терминов, в котором знакомым словам и символам («демократия», «права человека», «социальное равенство», «Холокост», «свастика» и т.д.) приписывается неконвенциональное (с т.з. большинства) значение. Переворачивание значения слов обеспечивает переворачивание мира. Все позитивно оцениваемое в доминирующем дискурсе, наделяется негативным смыслом.

⁶ как, впрочем, и в любые другие альтернативные (культурные, социальные) движения.

Снижение символической ценности «враждебной» идеологии происходит через наделение слов, образующих ее каркас, новым смыслом. «Демократия», «равенство», «права человека» и т.д. в контексте националистического дискурса наделяются исключительно негативным содержанием, например:

- «Демократия», «либерализм»— лозунги, скрывающие истинные цели «заговорщиков» (желание тотального господства), словесная ширма, за которой они прячутся. «Демократия» - искусственно навязываемый режим, чуждый природе человека:

Под лозунгами демократии и либерализма создается невиданное прежде рабство, самая жестокая политическая диктатура, которую уже сейчас можно разглядеть в "конституции единой Европы"
<http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/00/365/41.html>.

- Всеобщее избирательное право – безнравственное явление, средство обмана, проникновения заговорщиков к значимым властным позициям.

Всеобщее избирательное право по выборам представительной и исполнительной ветвей власти - это явление безнравственное, порождающее механизм тотального обмана избирателей и проникновения во властные структуры чуждых и враждебных Нации сил <http://rne.iks.ru/stat/rnubuild.htm>.

- «Фашизм», «антисемитизм» - слова из лексики «врагов», используемые ими для обозначения нашего патриотизма. Такого рода обвинения [в "антисемитизме", "национализме", "великорусском шовинизме". ОК] традиционно предъявляют нам жида, не признающие никакого патриотизма, кроме израильского. Всякий иной патриот для них -- обязательно "фашист" и "антисемит", а православный патриот ими невидим сугубо, ибо стоит на пути их богоборческих планов.
http://www.kongord.ru/Index/Ch_vs_ss/_private/predser.htm

- «Антисемитизм» – провокация сионистских лидеров

Благодаря антисемитизму гитлеровской политики, умело раздутому сионистскими пропагандистами до мифа о Холокосте, удалось консолидировать евреев всего мира вокруг сионистской идеи. Приток переселенцев в Палестину резко возрос. Отметим, что этот антисемитизм вполне мог быть спровоцирован сионистскими лидерами. Первыми жертвами провокации, естественно, стали простые евреи http://duel.ru/199807/?7_4_2.

- «Права человека» - средство развращения

По мере секуляризации высокие принципы неотчуждаемых прав человека превратились в понятие о правах индивидуума вне его связи с Богом. При этом охрана свободы личности трансформировалась в защиту своеволия (до тех пор, пока оно не вредит иным индивидуумам), а также в требование от государства гарантий определенного материального уровня существования личности и семьи. В системе современного гуманистического понимания гражданских прав человек трактуется не как образ Божий, но как самодостаточный и самодовлеющий субъект. Однако вне Бога существует лишь человек падший [...] Между тем, для правосознания членов РНЕ идея свободы и прав человека неразрывно связана с идеей служения. Права нужны христианину прежде всего для того, чтобы, обладая ими, он мог наилучшим образом осуществить свое высокое призвание к "подобию Божию", исполнить свой долг перед Богом и Церковью, перед Nation, семьей и государством.
<http://rne.iks.ru/stat/rnubuild.htm>

- «Международные неправительственные организации» - средство закрепощения человечества

Идея создания международных неправительственных организаций как рычагов создания мирового государства была опробована европейскими, особенно английскими, социалистами и коммунистами. После этого к делу приступили капиталистические финансово-промышленные группировки. [...] В течение XX века эти организации поменяли много названий. В современной западной консервативной литературе структуры этих организаций получили общее условное название — "Тайный орден". Им, очевидно, двигало стремление направить развитие человечества в наиболее выгодное для себя и надежно контролируемое русло. В этих целях использовалась хорошо зарекомендовавшая себя в Великобритании и США тактика "внутреннего" или "постепенного" захвата власти. Для этого "орден" стал создавать собственные "мозговые центры" и фонды, свои исследовательские, консультативные и прочие структуры. В отличие от официальных институтов власти, они пользовались значительно большей свободой действий, так как были освобождены от фиксированных процедур планирования и отчетности. [...] Это привело к оформлению ряда крупнейших транснациональных структур, про существование которых общественность Запада узнала лишь относительно недавно: Совета по международным отношениям, Бильдербергского клуба и Трехсторонней комиссии, в которых "орден" изначально занял лидирующие позиции.
<http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/00/365/41.html>

4 Мероприятия, направленные на профилактику экстремизма для среднего общего образования

4.1 Методы коррекции эмоциональных состояний

Существуют два основных способа коррекции негативных эмоциональных состояний: уменьшение их силы (например, по методике систематической десенсибилизации) и *выработка альтернативных реакций* (например, форме тренинга релаксации или уверенности).

Систематическая десенсибилизация, разработанная Д. Вольпе (Змановская, 2003; Кулаков, 2001), включает в себя три элемента:

- а) обучение глубокой мышечной релаксации;
- б) выстраивание иерархии стимулов, вызывающих тревогу;
- в) предложение клиенту, пребывающему в состоянии релаксации, вообразить объекты из иерархий, вызывающие тревогу.

Вариантом методики является *контактная десенсибилизация*, применяемая обычно в работе с детьми. В этом случае также составляется список индивидуально непереносимых ситуаций, ранжированных по значению. Но ситуации поочередно моделируются и решаются другим человеком, не имеющим аналогичных проблем. Затем ситуация отрабатывается с тем, кому эта проблема принадлежит. Методика может использоваться в группе подростков (7–9 человек), меньшая часть которых имеет проблемы в поведении.

Еще один вариант методики – *эмотивное воображение*. Здесь используется образ любимого героя подростка, его кумира или значимого человека. В этом образе ребенок постепенно сталкивается с ситуациями и преодолевает их. Методика включает этапы:

- составление иерархии ситуаций и объектов, вызывающих тревогу;
- выявление любимого героя, с которым бы ребенок себя легко идентифицировал;
- воображение любой жизненной ситуации при закрытых глазах вместе с героем;
- решение тревожащей ситуации (из списка) в образе героя.

Как только ребенок демонстрирует спокойно-уверенное поведение, переходят к следующей по списку ситуации. Затем ребенка побуждают вести себя уверенно в аналогичных ситуациях в реальной жизни.

Кроме релаксации могут быть использованы другие ингибиторы (несовместимые реакции) тревоги: юмор, отношения безопасности и поддержки, переживание успеха.

Десенсибилизация в реальной жизни включает только два этапа: составление иерархии ситуаций, вызывающих тревогу, и собственно десенсибилизация через тренировку в реальных ситуациях (их многократное повторение в жизни при поддержке специалиста). Тренировка в реальной жизни может быть также заменена тренировкой в группе.

Метод «наводнения», или импловзивная терапия заключается во внезапном предъявлении клиенту сцен, вызывающих у него чрезвычайно сильную тревогу. Если десенсибилизация направлена на торможение страха, то методика «наводнения», напротив, основана на его максимальном переживании. В данном случае также составляется список пугающих ситуаций. Клиента просят с максимальной выразительностью вообразить ситуацию, вызывающую страх, свободно выражая все возникающие чувства. Цель терапевта – поддержание страха на максимально высоком уровне при переходе ко все новым и новым ситуациям из индивидуальной шкалы тревоги (Бадмаев, 1993).

Рассмотренные методы коррекции эмоциональных состояний могут сочетаться с игровой терапией (у детей), творческим самовыражением (рисование, театрализация), телесной терапией, гештальттехниками, психоаналитической терапией.

4.2 Методы формирования позитивного поведения

Наиболее распространенным методом формирования желательного поведения является *подкрепление*. Положительные подкрепляющие стимулы предполагают предъявление чего-то, а отрицательные подкрепляющие стимулы – удаление чего-то в данной ситуации.

Позитивное подкрепление – главный метод изменения поведения. Условия успеха:

- подкрепление должно быть индивидуально значимым;
- подкрепление должно применяться систематически и немедленно вслед за желательным поведением;
- связь между желательным поведением и используемым при этом подкреплением должна быть достаточно четкой.

Подкрепление можно осуществлять непосредственно (с помощью реальных подкрепляющих стимулов) или опосредованно (с помощью символов, жестов, моделей).

Метод подкрепления предполагает целенаправленное его применение с целью усиления адаптивных видов поведения и ослабления и устранения неадекватных его форм. Первоначально проводится *идентификация подкрепляющих стимулов*. Для этого необходимо выяснить, что именно является подкрепляющими стимулами для конкретного человека. Также можно предложить клиенту составить шкалу «приятных событий» или список условий, улучшающих настроение. При работе с детьми для представления подкрепляющих стимулов вместо слов можно использовать картинки, на которых изображены потенциально приятные виды деятельности.

Подкрепляющие стимулы соотносятся с тремя жизненно важными сферами:
взаимодействие (отношения);

переживания, несовместимые с депрессией (агрессией);

действия, повышающие самооценку с помощью ощущений адекватности и компетентности (творчество, успех, любимое занятие и т. д.).

Программы подкрепления могут включать в себя работу со значимыми другими, например обучение преподавателей или родителей процедурам подкрепления (для отдельных детей или детских групп). Кроме того, и преподаватели, и родители должны отдавать себе отчет в том, что они могут по неосторожности подкрепить некоторые виды поведения, которые, по их словам, они пытаются устранить.

Формирование желательного поведения может осуществляться в форме *активного социального обучения* адаптивным поведенческим реакциям. *Репетиция поведения* – это один из методов профессионального консультирования, широко используемый в случаях отклоняющегося поведения. Данный метод может иметь форму тренинга, групповых игр, моделирования и разыгрывания ситуаций.

На первых этапах работы выявляются области, в которых клиенты испытывают трудности, и стимулируется мотивация к обучению. Далее определяются виды желательного поведения, наиболее адекватного в проблемных ситуациях. Затем клиентам предоставляется возможность потренироваться, реагируя на определенные ситуации в процессе ролевой игры (консультанты, как правило, играют роль «оппонентов»). Наконец, клиентов побуждают применять

репетируемое поведение в реальных жизненных ситуациях, одобряя их в случае успеха и подкрепляя адаптивное поведение. Примером таких тренировок может служить *тренинг ассертивности*.

Тренинг ассертивности основан на выделении трех видов поведения:

неассертивное, или заторможенное, поведение, при котором люди жертвуют своими интересами;

агрессивное поведение, при котором люди «усиливаются» за счет других;

ассертивное поведение, при котором выигрывают обе взаимодействующие стороны.

Недостаток уверенности в себе или агрессивность могут быть либо общеличностными свойствами, либо чертами, проявляющимися лишь в специфических ситуациях. На первом этапе поведенческой оценки решается вопрос, в каком виде тренинга клиент нуждается – в общем или специфическом. На втором этапе формируется его мотивация на сотрудничество. Полезно изучить взгляды и убеждения клиента, чтобы опираться на них впоследствии.

На третьем этапе определяют, какой вид альтернативного поведения может быть подходящим в определенных ситуациях, например при необходимости оказать сопротивление негативному влиянию референтной группы. Клиентам можно порекомендовать наблюдать за людьми, которые действуют эффективно. При этом следует принимать во внимание индивидуальные стили поведения клиентов и помогать им формировать такое поведение, которое будет как можно более естественным для них. Реакции, которые представляются консультантам уместными, могут оказаться неподходящими для конкретного клиента. Важен также правильный выбор времени: клиентов не следует побуждать к решению ассертивных задач тогда, когда они еще к этому не готовы. Следовательно, может возникнуть необходимость построения иерархии ассертивных задач, сложность которых постепенно повышается.

На четвертом этапе осуществляется репетиция ассертивного поведения. Важно фокусировать внимание клиентов не только на вербальных составляющих поведения, но и на других его компонентах, таких как контакт глаз, позы, жесты, выражение лица, тон и громкость голоса, интонации, плавность речи.

На пятом этапе клиентов побуждают применять приобретенные на занятиях знания в реальной жизни, например с помощью домашнего задания соответствующего уровня сложности. В интервалах между занятиями

обучающиеся могут также самостоятельно пытаться применять адаптивные социальные навыки в реальной жизни. Наличие таких попыток указывает на адекватность поведения клиентов. Кроме того, пробуя и экспериментируя, клиенты определяют, какие еще поправки следует внести в поведение (Змановская, 2003).

Тренинг ассертивности можно применять в форме индивидуальной, групповой работы или в форме самопомощи. Группы могут быть гетерогенными (например, состоящая из подростков без проблемного поведения и с делинквентным поведением) или гомогенными (например, группа наркозависимых подростков). Следует иметь в виду: вследствие сопротивления клиентов позитивным изменениям могут возникать конфликты между консультантом и клиентами, что всегда следует предвидеть как возможную трудность.

Убеждение. Данный метод применяется при условии развитости у подростка образного и абстрактного мышления, устойчивости внимания. Психолог, использует понятные консультируемому подростку аргументы, позволяет ему убедиться в верности определенных приемов, мыслей и т.п.

Эмоциональное заражение. В процессе консультирования психолог становится образцом для эмоциональной идентификации, за счет чего он может поменять (откорректировать) эмоциональное состояние подростка, заражая его собственным эмоциональным настроением.

Помощь в отреагировании неконструктивных эмоций. Применение данного способа актуально при острых эмоциональных состояниях. Отреагирование может выражаться в форме смеха, слез, выговаривания, активного действия (походить, постучать, побить подушку, потопать ногами, нарисовать, почертить, написать). Отреагирование позволяет снять (разрядить) напряжение, вызванное негативной эмоцией. Психолог внимательно наблюдает, сочувствует, понимает, но не присоединяется к чувствам консультируемого.

Релаксации. Нужно научить подростка/юношу различным способам расслабления, проходить в форме медитации, аутотренинговых и релаксационных упражнений.

Повышение энергии и силы. В том случае, когда ребенок чувствует себя обессиленным, «выжатым», демонстрирует отсутствие сил (энергии), действенен данный метод. Конкретные двигательные упражнения, перевоплощение, мысленное

«подключение» к различным источникам энергии — эти приемы позволяют повысить активность и работоспособность консультируемого.

Переоценка. Данный метод заключается в переоценке негативных чувств и мыслей, которая позволяет выработать новый взгляд на ситуацию. Переоценка включает выявление негативных переживаний (мыслей, образов), их фиксацию, поиск положительного (трансформацию в положительное), концентрацию на положительном и объединение положительного с негативным с целью переоценки негатива.

Домашнее задание. В качестве домашнего задания даются различные действия, о которых договариваются психолог и консультируемый. Это могут быть наблюдения, отслеживание результатов, опробование новых способов.

5 Мероприятия, направленные на профилактику экстремизма для профессионального образования

5.1 Методы саморегуляции

Наиболее распространенным методом является *тренинг релаксации*, основы которого разработаны Э. Джекобсом.

Мышечная тренировка сопровождается вербальной релаксацией. *Вербальные процедуры релаксации* подразумевают либо инструктирование учащихся консультантами, либо самоинструктирование. Эти навыки позволяют использовать релаксацию в любых жизненных ситуациях.

Ментальная релаксация также расширяет возможности клиентов и усиливает эффект процедуры. Она обычно подразумевает представление (воображение) конкретной спокойной, приятной сцены. Консультанты могут выяснить, какие сцены учащиеся находят особенно благоприятными, и помогать им вербально. Ментальная релаксация часто используется после мышечной релаксации.

Дифференцированная релаксация подразумевает сочетание минимального напряжения мышц, участвующих в совершении действия, с расслаблением других мышц.

Другой процедурой, помогающей справляться со стрессом, является *условная релаксация*. Консультанты обучают клиентов связывать ключевое слово, например «покой» или «отдых», с состоянием глубокого расслабления, которого можно достичь посредством прогрессирующей мышечной релаксации. В дальнейшем учащиеся могут использовать ключевое слово для подавления чувства тревоги.

Большое значение имеют прямые рекомендации клиенту: полноценно отдыхать, не брать на себя чрезмерных обязательств, выделять достаточно времени для еды и сна, сохранять физическую форму.

Наряду с тренингом релаксации используют *метод формирования стратегии самоконтроля*. При этом первоначально клиента обучают самонаблюдению за собственным поведением: в постановке личных целей, в планировании постепенных шагов к цели, в нахождении значимых подкреплений позитивного поведения. Самонаблюдение часто осуществляется в форме дневника. Оно повышает уровень осознания и самоконтроля и используется для оценки прогресса.

При этом учащиеся могут награждать себя после совершения действий, способствующих достижению цели, используя положительное самоподкрепление.

5.2 Методы когнитивного реструктурирования

Первым приемом когнитивного реструктурирования может быть *обращение внимания на противоречия в суждениях или рассказе учащегося*.

Другой распространенной методикой является *идентификация и коррекция дисфункциональных мыслей*. Негативные мысли и относящиеся к ним общие установки тщательно исследуются и идентифицируются: выявляются, получают название в терминах учащегося, записываются. В следующей, проверочной, фазе логическая правильность и последовательность этих идей и установок подвергается критической оценке. Важно, чтобы клиент сам исследовал свое поведение и убедился в неадекватности дезадаптивных мыслей, а также в том, что они являются причиной многих его бед.

В заключение разрабатываются альтернативные возможности интерпретации и оценки, которые апробируются в реальных ситуациях. Например, психолог просит консультируемого продумать и написать более адекватные утверждения напротив каждой из дисфункциональных установок. Затем эти утверждения можно повторять в нужных ситуациях как самоинструкцию.

Информирование. Изменение или корректировка информированности консультируемого, повышение его психологической грамотности по данным вопросам за счет ярких примеров из повседневной жизни, обращения к литературным источникам, к научным данным, к опыту других людей.

Метафора (метод аналогий). Данный метод заключается в использовании аналогий — образов, сказок, притч, случаев из жизни, пословиц, поговорок — для

проведения аналогии с обсуждаемым вопросом. Данный прием позволяет взглянуть на ситуацию со стороны. Пропадает субъективность проблемы, исчезает ложное ощущение её уникальности. Помимо этого, удастся разрядить напряженную атмосферу консультирования.

Установление логических взаимосвязей. Психолог совместно с подростком/юношей восстанавливают последовательность событий, определяют воздействие субъективных факторов на происходящее и их взаимосвязь.

Проведение логического обоснования. По данному способу психолог и консультируемый отсортировывают варианты решения актуальной жизненной задачи путем логического анализа, который показывает последствия (эффективность) разных путей решения.

Самораскрытие. Специалист мотивирует консультируемого раскрыть себя. Он делится своим личным опытом, демонстрирует терпимое отношение к различным высказываниям, чувствам подростка/юноши.

Литература

Бадмаев, С.А. Психологическая коррекция отклоняющегося поведения школьников / С.А. Бадмаев. М., 1993.

Беличева, С.А. Основы превентивной психологии / С.А. Беличева. М., 1993.

Гоголева, А.В. Аддиктивное поведение и его профилактика / А.В. Гоголева. Москва – Воронеж, 2002.

Змановская, Е.В. Девиантология (психология отклоняющегося поведения): учеб. пособие / Е.В. Змановская. М., 2003.

Зязюлькин, П.В. Девиантное поведение учащихся и организация его коррекции: методические материалы / П.В. Зязюлькин. Витебск: УО «ВОГ ИПК и ПРР и СО», 2006.

Кон, И.С. Социология личности / И.С. Кон. М., 1967.

Кулаков, С.А. На приеме у психолога – подросток: пособие для практ. психологов / С.А. Кулаков. СПб., 2001.

Менделевич, В.Д. Психология девиантного поведения : учеб. пособие / В.Д. Менделевич. М., 2001.

Моргун, В.Ф. Делинквентный подросток : учеб. пособие по психопрофилактике, диагностике и коррекции отклоняющегося поведения подростков для социальных педагогов, студентов педагогических, психологических,

юридических специальностей, интернов-психиатров / В.Ф. Моргун, К.В. Седых.
Полтава, 1995.

Раттер М. Помощь трудным подросткам / М. Раттер. М., 1987.

Теория и методика социальной работы. 2 т. 1993

**Методические материалы для работников и руководства
образовательных организаций по противодействию распространения
экстремизма в молодежной среде**

Введение

Проблема профилактики и противодействия экстремизма в подростковой и молодежной среде становится все более актуальной в последнее время. Актуализация этой проблемы связана как с распространением экстремизма, ростом террористических организаций по всему миру, в том числе и в России, расширением процесса глобализации, одним из негативных следствий которой является увеличение миграционных процессов, необходимостью взаимодействия людей разных культур, что часто приводит к усилению ксенофобии и нетерпимости, а также с появлением значительного числа каналов (как печатных, так и электронных) распространения информации и рекламы, носящих открыто экстремистский характер. Не меньшее значение имеет и тот факт, что социальная нестабильность и эмоциональное отдаление детей от родителей, разрыв межпоколенных связей, облегчает для агентов террористических организаций вербовку молодых людей. Факторами, которые становятся ведущими для профилактики экстремизма, являются как методологические основания борьбы с ксенофобией и экстремизмами, так и знание об основных закономерностях воспитания и социализации современных подростков и молодежи, которые помогают преодолеть их девиантность и асоциальность, эмоциональную нестабильность, и, тем самым, существенно снизить риски распространения экстремизма.

**1 Методология управления рисками ксенофобии с целью профилактики
экстремизма в подростковой и молодежной среде**

Проблема социализации и воспитания современных подростков с целью предупреждения проявлений ксенофобии и экстремизма, предполагает несколько направлений, иерархичность которых определяется степенью разработанности программ и путей научно-практической деятельности и четким осознанием целей и задач этой деятельности. Поэтому, прежде всего, встает две проблемы, связанные именно с осмыслением ситуации: 1. осознание специфики социализации в современном мире; 2. понимание социально-психологических и индивидуально-психологических особенностей современных подростков и молодежи.

Без ответа на эти вопросы сама по себе практическая деятельность может быть и не совсем безрезультатной, но будет похожа, говоря словами Л.С. Выготского, на коррекцию «снизу вверх», то есть устранением текущих, явно видных проблем и отклонений в поведении и учебе, а не выявлением и профилактикой их причин. Диалектическая коррекция, коррекция «сверху вниз», связана, как писал Выготский с зоной ближайшего развития, с развитием человека как личности в современной культуре.

Поэтому представляется, что одной из важнейших является деятельность, направленная на изучение особенности современной культуры и социальной ситуации развития подростков и молодежи, на основе чего должна выстраиваться методология воспитания личности – а затем – технологии этого воспитания. Данная логика работе не исключает, конечно, практических действий по созданию программ воспитания и неформального обучения (в том числе в семье, в досуговых центрах и т.д.).

Современная социальная ситуация диктует необходимость становления активной и гибкой жизненной позиции, стимулирующей людей к использованию всех имеющихся у них потенциальных способностей для самореализации и личностного роста в рамках тех социальных условий и той культуры, в которой они растут и развиваются.

Расширение границ индивидуальной активности и избирательности в процесс вхождения в социум, позволили перейти от понятия адаптации к понятию социализации, которая рассматривается как взаимодействие ребенка и взрослого, при котором общество предъявляет человеку определенные нормы, но не настолько жестко, чтобы исключить возможность их вариативного использования и некоторой трансформации в определенных, разрешенных обществом, границах. Еще одним важным моментом, усиливающим возможность личностной избирательности и активности в процессе социализации, является наличие различных социальных и культурных групп с достаточно серьезно отличающейся нормативностью в поведении, общении, ценностях, что дает человеку дополнительные возможности в процессе категоризации – то есть в процессе поиска соответствующей его стремлениям, интересам и индивидуальности группы.

Положение о культуре как образующей личности (А.А. Потемня, Г.Г. Шпет, Л.С. Выготский) открывает пути для исследования процесса социализации в современной изменчивой и неопределенной ситуации, которая умножает точки

бифуркации в развитии личности и дает основания для появления множественности аспектов «Я» в разных ситуациях и разных группах.

Положение Г. Г. Шпета о культуре как образующей личности открывает пути для исследования процесса социализации в современной изменчивой и неопределенной ситуации, которая умножает точки бифуркации в развитии личности и дает основания для появления множественности аспектов «Я» в разных ситуациях и разных группах (Шпет, 2007). Г. Шпет подчеркивал, что культура и, особенно, искусство остаются неизменными даже тогда, когда меняются быт, мировоззрение, политические и структурные аспекты социальной ситуации человека. Это постоянство и выделяет культуру как фактор, помогающий «восстановить связь времен», именно культура, эмоционально воспринимаемая как единое целое, как часть социальной, этнической и личностной идентичности, дает укорененность и устойчивость, позволяя найти точки опоры в изменяющейся действительности и восстановить утраченную целостность восприятия мира и себя. Культура, в случае успешной инкультурации, эмоционально воспринимается как единое целое. Так формируется одна из важнейших составляющих структуры самосознания личности - «Я - культурный человек» (Шпет, 2007).

Важный момент связан с тем, что включение в социальную идентичность культуры как фактора стабилизации дает возможность в меньшей степени использовать в качестве такого фактора этническую идентичность, которая также дает укорененность и уменьшает неопределенность настоящего и будущего. В современной ситуации этот вопрос приобретает исключительную важность, так как включение этнической идентичности как стабилизационного фактора во многом становится причиной нетерпимости к другим народам и социальным группам. Это доказывает и реальность нашего времени, когда социальная нестабильность в многонациональных государствах проявляется в обострении национальных конфликтов. Возможно, что межнациональные конфликты становятся обратной стороной тех процессов глобализации, которые характерны сегодня и для Европы, и для мира в целом. Опасения раствориться в мировой культуре, потеряв свою национальную специфику, фрустрация потребности в этнической идентичности (особенно, в позитивной идентичности), усиливает недоверие к другим народам, негативное отношение к ним. Как показывают исследования, подобные конфликты особенно непримиримы, когда формирование социальной идентичности начинает происходить преимущественно на основе национальной составляющей идентичности, в то время как доминирование культурной идентичности повышает

технически, информационно, социально, экологически принципиально отличающейся от той, что существовала на протяжении столетий.

Трудности и отклонения, возникающие в процессе психического развития в настоящее время, осложняются теми изменениями, которые происходят в российском обществе, изменениями, касающимися всех сторон окружающей действительности – политической, экономической, нравственной. Новая социальная ситуация способствовала трансформации содержания норм и ценностей, казавшихся устойчивыми и укорененными в общественном сознании. Кардинальный и противоречивый характер происходивших и происходящих в настоящее время изменений привел к появлению неопределенности в социальных ожиданиях людей и амбивалентности в их отношении к ценностным ориентациям и нормам. Следствием этого стали негативные изменения в содержании социальной идентичности старшего поколения, и, как следствие, сложности трансляции норм и ценностей поколению подрастающему. Поэтому представляется важным в первую очередь определить содержательное наполнение основных категорий современной психологии развития, а также понять особенности и закономерности психического развития современных дошкольников, выделив его возможные риски.

Трансформация социального пространства развития современных детей приводит к существенным изменениям задач развития уже в дошкольном детстве, что проявляется не только в познавательном и личностном развитии дошкольников, но и в системе их общения и взаимодействия с миром взрослых. Поэтому одной из центральных проблем современной психологии развития является анализ социального пространства современного детства, содержания личностной, социокультурной и гражданской идентичности детей, соотношение процессов социализации и индивидуализации. Современная социальная ситуация, прогрессивное развитие общества диктует необходимость становления активной и гибкой жизненной позиции, стимулирующей детей к использованию всех имеющихся у них потенциальных способностей для самореализации и личностного роста в рамках тех социальных условий и той культуры, в которой они растут и развиваются. Поэтому на первый план в настоящее время выходит проблема социализации в разных контекстах и дискурсах.

Исследования процесса социализации в условиях неопределенности требует особого методологического подхода, в качестве которого может выступить совокупность методологических принципов и постулатов культурно-исторической психологии и постмодерна. Культурно-историческая парадигма в гуманитарных

науках (философия, психология, лингвистика) предполагает включение социализации в культурно-исторический контекст и сопряжение процесса вхождения в социум с инкультурацией и индивидуализацией. Таким образом, частично преодолевается и феномен социальной неопределенности, так как культура задаст значительно более четкие и устойчивые рамки социализационного процесса, также как и более ясные и постоянные эталоны и объекты идентификации (например, исторические и литературные персонажи). Важным моментом культурно-исторического дискурса является и учет языка как важной детерминанты социализации (Гумбольдт, Потебня, Шпет), при этом изменения внутренней формы слова и языковых значений объективируются трансформациями, происходящими в культуре.

Роль языка в процессе становления социокультурной идентичности неоднозначна. По-видимому, можно говорить о взаимосвязи языка, культуры и идентичности (социокультурной, этнической, личностной, групповой и т. д.). С одной стороны, есть много примеров того, как люди, говорящие на неродном языке, считали своими культуру, народ, язык которого знали плохо. Язык оказывает существенное влияние не только на этническую, социокультурную, но и на групповую идентичность. Групповая и социальная идентичность выражается, например, в лингвистических оборотах, синонимах, качестве самоописаний, раскрывающих (и выдающих) социальную принадлежность человека. Б. Шоу в пьесе «Пигмалион» писал, что нуворишей выдает именно речь, они бы хотели забыть свое социальное происхождение, но оно напоминает о себе, стоит им только раскрыть рот. Это очень ярко проявляется и особом языке, который часто используют принадлежащие к неформальным объединениям подростки и молодежь.

Не меньшее значение лингвистическая идентичность имеет при построении взаимоотношений людей, говорящих на разных языках, в условиях постоянного общения, например, в современных мегаполисах. При этом, можно говорить о том, что потребность в родном языке, являющемся миноритарным по отношению к языку большей по численности группы населения, особенно в ситуации совместного проживания разных народов, актуализируется в определенных обстоятельствах, связанных с ущемлением (реальным или мнимым) статуса данного языка. При этом у его носителей может развиваться стигматизированная, негативная или мнимая идентичность. Однако такая картина наблюдается, обычно, только у незначительного числа людей, так как сознательного и повсеместного принижения статуса родного языка не происходит. В то же время утрата этим языком многих

толерантность. (Т.Д. Марцинковская. История, культура... как образующие историко-генетической парадигмы. КИП. 2015. Наверно, это можно включить и в публикации по отчету???)

На развитие современных концепций социализации большое влияние оказывает и современная ситуация неопределенности, которая приводит к необходимости разработки новой методологии и новых методов исследования как социализации, так и содержания социальной и личностной идентичности. Это связано с тем, что характерной чертой неопределенности является тот факт, что причинно-следственные отношения не всегда могут предсказать, как будет вести себя человек в будущем, как отреагирует даже на знакомые раздражители, при этом объективация мотивов поведения человека не может уже полностью соотноситься с поступком, как феноменом личности

Конструкционистская парадигма, в рамках которой можно говорить о трансформации окружающего мира в направлении желаемых изменений, увеличивает степень предсказуемости будущего, так как если люди уверены в возможности перестроить, переконструировать ситуацию, и на основе этого выстроить будущее, снимается неопределенность этого будущего. Последние исследования в области социальных представлений (С. Московиси), работы П. Бергера, Т. Лукмана, К. Гергена, доказывающие, что человек в значительной степени сам конструирует окружающую социальную действительность еще больше расширили границы личностной активности в процессе социализации, показав, что это по-настоящему творческий процесс.

Это понимание социализации адекватно соотносится с понятием Э.Баумана «текущая современность». Эта позиция исходит из того, что при «жесткой культуре» возможны определенные, жесткие нормы, правила и институты социализации, четко определяющие технологии и результаты воздействия взрослых на подростков. Современная многомерная культура предполагает «жидкую» социализация, в которой возможно много аспектное и не направленное воздействие, а результат может быть отсроченным, латентным.

Прежде всего, необходима разработка новой методологии и новых методов и технологий исследования, диагностики и коррекции психического развития детей. Методологические проблемы особенно важны для современной психологии детства в связи с теми кардинальными трансформациями, которые происходят во всех сферах жизни детей, как в нашей стране, так и во всем мире. Необходимо помнить о том, что современное дети и подростки живут в совершенно другой среде –

функций в ситуациях широких и/или официальных контактов людей, проживающих в большом городе, безусловно, имеет место. Негативная личностная феноменология, как показывают эмпирические данные, возникает только при появлении собственно личностных проблем, часто даже не связанных с фрустрацией потребности в языке или лингвистической идентичностью. Это часто приводит к обоюдной агрессивности и/или отчуждению молодых людей от большой группы людей, проживающей в мегаполисе и формированию ксенофобии. (Марцинковская Т.Д., Сиюченко А.С. Идентичность как фактор социализации в мультикультурной среде. Вопросы психологии 2014, №6, с. 1-12).

Важное значение для понимания как особенностей социализации в мультикультурной среде, так и для осознания роли семьи и социального окружения в этом процессе, имеют результаты исследования, в котором изучались особенности социализации подростков из разных этнических групп, проживающих в мегаполисе. В исследовании приняли участие подростки 9 этнических групп (русские, армяне, евреи, белорусы, чеченцы, монголы, украинцы, казахи, осетины) в возрасте 15-16 лет. Семьи большинства подростков (92,6%) проживают более 10 лет в данном регионе и 64,9% подростков родились в г. Москве и Московской области.

Полученные в проведенном исследовании материалы дают основания для выделения трех уровней детерминации процесса подростковой социализации в современном большом и мультикультурном пространстве. Это пространство большого города, которое предоставляет чрезвычайно широкие коридоры позитивной социализации, позволяющие большинству ребят найти свою группу идентичности и социализироваться в ней. Мегаполис не только дает возможность широкого выбора сфер социализации и групп идентичности, но может рассматриваться как транслятор общекультурных и гражданских ценностей, эталонов и норм.

Второй детерминантой являются задачи развития, которые объединяют подростков разных этнических групп и связаны на этом этапе онтогенеза со стремлением осознать себя, свою индивидуальность и свои ценности. Это стремление также детерминирует поиск разных групп идентичности, становление разных стилей социализации и, в конечном итоге, развитие позитивной социализации, как в выбранной группе, так и в обществе в целом.

Социализация также детерминируется ближайшим окружением подростка, его семье и близкими родственниками. Это определяет разницу в отношении к семье, родным и друзьям у подростков разных групп, доминирование различных аспектов

социальной идентичности, особенности взаимодействия и построения доверительных отношений с людьми, в частности, с друзьями и семьей. Роль семьи в этом случае можно рассматривать как транслятора не столько общекультурных, сколько этнических ценностей и эталонов поведения.

Гармоничное взаимодействие всех уровней детерминации обеспечивают гибкость и вариативность паттернов социализации практически всех подростков, что является особенностью, определяемой не столько их индивидуальностью, сколько спецификой социального пространства мегаполиса. Наличие множества субпространств и, соответственно, групп членства и референтных групп, дает возможность самореализоваться (или хотя бы предъявить себя) в разных сферах в рамках разных групп и разных видов взаимодействия с различными межличностными дистанциями и способами самопрезентации. Поэтому все подростки, участвовавшие в проведенном исследовании, хорошо социализированы и чувствуют себя достаточно комфортно.

Полученные материалы также показывают, что для становления просоциального стиля жизни в мультикультурном окружении, крайне важны разнообразные социокультурные и этнические паттерны социализации, которые дают возможность реализации личностных, профессиональных и возрастных потребностей подростков разных этнических групп. Для развития такого сценария социализации наиболее благоприятны социальные пространства, предоставляющие подросткам широкие возможности идентификации и социализации в нескольких разнообразных группах.

(Мардинковская Т.Д., Чумичева И.В. Проблема социализации подростков в современном мультикультурном пространстве. Психологические исследования. Февраль. 2015)

Таким образом, можно констатировать, что важным достоинством методологии постмодерна является гибкость и изначальная ориентация на изменения. Если в классической методологии картина научного знания достаточно жестко задана и изменение этого «гештальта» возникает в исключительных случаях, а именно: в ситуациях смены парадигм, то важным качеством методологии постмодерна является возможность критического осмысления категорий и принципов в меняющихся (неопределенных) социальных контекстах. Этот факт представляется крайне значимым при проведении исследований процесса социализации современных детей, так как неопределенность и изменчивость паттернов развития дошкольников в этом случае сопрягается с ситуацией

социальных изменений, задающих широкую вариативность процесса социализации, его направленности и нормативности.

Гибкость и вариативность постмодерна в сочетании с четкими культурными эталонами, установками и объектами идентификации дают основания для сопряжения процессов социализации и индивидуализации, что является крайне актуальным уже в дошкольном возрасте. Поэтому в эмпирических исследованиях крайне важно изучить проблему изменчивости/устойчивости различных параметров социализационного процесса, что даст возможность прояснить вопрос активности и креативности в условиях современного нормативного пространства и проанализировать вариативность индивидуальных траекторий социализации детей во взаимосвязи и взаимозависимости с разнообразием организационной культуры дошкольных учреждений и ценностей семьи.

Для понимания специфики современной ситуации, частично связанных с распространением агрессивности, ксенофобии и экстремизма, необходимо помнить о том, что направленность социализации, несомненно, имеет связь и с национальной культурой, и с особенностями социальной ситуации развития современных российских подростков. Представляется, что нарастание маскулинности в нашей, как отмечал Н.А. Бердяев, женской ментальности, сейчас принимает лавинообразный характер. Если исходить из того, что многие подростки и юноши рассматривают любую конфликтную ситуацию как ситуацию, в которой необходимо обязательно победить, чтобы быть замеченным, построить карьеру и т.п., то не вызывают удивления и то, что при этом становятся важными определенные способности, помогающие не столько реализовать, сколько показать себя.

Еще одним важным аспектом методологии предотвращения ксенофобии и экстремизма, является анализ границ и возможностей гармоничного сочетания процессов социализации и индивидуализации. Современные подходы к проблеме социализации и индивидуализации дают возможность связать в единое целое стремления человека к социализации, укорененности в определенной группе, и индивидуализации, сохранению своего стиля деятельности и общения, позволяющие достичь наиболее полной самореализации человека. При этом процесс вхождения человека в социум (и вхождение ребенка в мир взрослых, и мигрантов в новую социальную и культурную среду) рассматривается как взаимосвязь категоризации разных групп, из которых состоит социальный мир, и

самокатегоризации, подразумевающей осознание своего «Я» и поиск наиболее адекватных для данного человека групп идентичности.

В настоящее время актуализируется интерес к проблеме личности, к вопросам развивающего обучения (в век научно-технического прогресса это неизбежно), но не столько к усвоению готовых знаний, сколько к формированию познавательной мотивации, креативности, к развитию способностей учиться и формировать новые знания, переосмысливая уже имеющиеся понятия. Возрастает интерес и к проблеме воспитания, морального развития, социализации детей, что связано, как и прежде, с актуализирующейся в обществе потребностью в новых системах воспитания в новой, нестабильной (экономической или идеологической) социальной ситуации, нарушающей целостность социокультурной идентичности людей.

Важным моментом, который необходимо учитывать в содержании и форме образовательной и воспитательной деятельности, является создание активной среды для подростков и молодежи, необходимой для самореализации в XXI веке. Поэтому необходима не просто разработка, но конструирование программ и направлений образовательной деятельности, отображающих процесс конструирования новой социальной действительности.

1.1 Специфика социализации в современной социальной ситуации

Проблема социализации, являясь междисциплинарной, на протяжении длительного исторического периода остается объектом внимания представителей разных наук. Обогащение и развитие научных представлений о процессе и механизмах социализации происходит в результате получения новых данных в социологии, педагогике, политологии, культурологии, разных отраслях психологии (психологии развития, акмеологии, социальной психологии, этнической психологии, педагогической и других.). При этом большинство исследователей признает, что содержание, формы и способы социализации тесно связаны с социальными, культурными и экономическими условиями, которые в современном мире подвергаются значительным изменениям. Поэтому существуют запросы как общества в целом, так и фундаментальных и прикладных наук в понимании современных особенностей процесса социализации на разных этапах онтогенеза. Необходимо отметить и тот факт, что междисциплинарный характер проблемы социализации в разных ее аспектах диктует возможность и необходимость ее рассмотрения в разных парадигмах и в разных дискурсах, включающих и когнитивные аспекты обучения и воспитания, и индивидуально-личностные, и социальные.

В сложном, многоаспектном процессе социального развития ребенка можно выделить две стороны:

Во-первых, процесс социального развития предполагает постепенную ориентировку ребенка в существующей на данный момент в обществе системе социальных ролей.

Во-вторых, процесс социального развития связан с формированием социального самоопределения и социальной идентичности.

Для характеристики процесса социального развития и активного вхождения человека в систему социальных связей используется понятие социализации.

В этом понятии фиксируется как пассивный процесс социальной ориентировки и усвоения социальных нормативов (социально-психологическая адаптация), так и момент активного преобразования человеком и применения им в новых социальных ситуациях усвоенных ранее социальных ролей, норм, ценностей, способов социального самоопределения.

Таким образом, социально-психологическая адаптация является одной из сторон социализации, акцентируя внимание на необходимости усвоения входящим в социум ребенком значимых для этого общества норм, ценностей, эталонов. Пассивность в данном случае нельзя переоценивать, так как речь идет о том, что человек не меняет, но усваивает транслируемые обществом (взрослым) правила поведения и ценности. Однако, даже в случае адаптации, необходима интериоризация ребенком транслируемых взрослыми эталонов и превращение их в собственные мотивы поведения.

Активная социализация предполагает не только такое пассивное принятие определенных норм и правил поведения, но и их активное использование, то есть выработку определенных знаний и умений, адекватно применяемых человеком в данной социальной действительности. Активность социализации проявляется и в том, что человек может выбрать подходящую именно для него группу идентичности, в которой и будет проходить его дальнейшая социализация. При этом в случае обоюдного принятия человека и группы, возможно и активное преобразование отдельных (даже первоначально значимых для данной группы) норм и эталонов.

Особенно актуальной и значимой проблема социализации является для поколения, только вступающего в жизнь, для которого процесс становления идентичности (как социальной, так и личностной) совпадает с процессом социализации в целом. Если для старшего поколения стремление к замене

утерянных социальных идеалов новыми, связано со стремлением к восстановлению нарушенной картины мира, то для подростков – со стремлением к созданию картины своего мира, одновременно похожего и не похожего на мир взрослых, который подростки одновременно считают и своим, и чужим. В этом плане поиск своей личностной уникальности, ее содержания и структуры непосредственно связан с рефлексией жизненных планов, целей и путей самоопределения.

В связи с этим возникает настоятельная потребность в изучении процесса присвоения подростками, юношами и девушками своего индивидуального и культурно-исторического прошлого и способности аутентично конструировать свое будущее. При этом огромное значение имеет анализ причин неприятия или пассивного отторжения подростками той культуры, тех нравственных эталонов и оценочных категорий, которые являются значимыми для его социального окружения. Таким образом, актуальность исследования процесса социализации наиболее высока в подростковом и юношеском возрасте, так как совпадает с процессом их осознания себя и своего места в мире.

Конечной целью изучения факторов, влияющих на становление индивидуального просоциального стиля жизни, является анализ условий, способствующих интериоризации, то есть присвоению социальных норм и ценностей. Это связано с выработкой нового отношения, переживания новых знаний как своих, что достигается развитием мотивации, лежащей в основе нового поведения. С этой точки зрения одним из важнейших становится вопрос о механизмах интроекции внешних норм, ценностей и эталонов.

Наиболее важным и с теоретической, и с практической точек зрения является изучение процесса и механизмов интериоризации подростками и молодежью значимых для общества нравственных норм, эталонов и правил поведения, а также разработка адекватных для разных возрастных и социальных групп средств, оптимизирующих интериоризацию.

Работы А.Г. Асмолова, Н.В. Гришиной, С.В. Недбаевой, В.А. Петровского и др. достаточно полно раскрывают теоретические и практические аспекты оказания психологической поддержки, основные условия, факторы и механизмы ее реализации.

Анализ данных работ показал, что психологическая поддержка осуществляется в ходе межличностного взаимодействия, сотрудничества; в воспитательных тактиках, основанных на понимании, сопереживании и принятии, и предполагает помощь в решении индивидуальных и возрастных противоречий в

развитии личности. При этом личность рассматривается не как объект воздействия, а как активный субъект совместной деятельности. Основанная на понимании, принятии, вере в возможности каждого человека психологическая поддержка создает безопасное пространство для развития.

Наиболее важным и с теоретической, и с практической точек зрения является изучение механизмов интериоризации значимых для общества нравственных норм, эталонов и правил поведения. Не менее значима и разработка адекватных для детей дошкольного возраста условий и средств, оптимизирующих процесс формирования просоциальной мотивации и активности. Это связано с выработкой нового отношения, переживания новых знаний как своих, что достигается развитием мотивации, лежащей в основе нового поведения. Новая мотивация появляется либо в результате идентификации (отождествления) ребенком себя со значимыми взрослыми, либо с развитием индивидуальных и социальных переживаний [6, 8].

Особенности молодежи как социально-возрастной группы, основные институты (семья, система образования, трудовой коллектив, армия, общественно-политические организации, досуговые центры, интернет и СМИ) и риски ее социализации

Характеристика молодежи как социально-возрастной группы основывается на двух взаимосвязанных критериях – возрастном и социальном (статусном). Возрастной критерий позволяет выделить два возрастных периода развития – юношеский возраст (17-21 год) и молодость (21-26 лет). Хронологические границы этих возрастных периодов исторически изменчивы и определяются социокультурными особенностями общества, его социальной и технологической организацией. Увеличение продолжительности юности – тенденция индустриального и пост-индустриального общества. Социальный критерий требует различать в рамках каждой возрастной группы подгруппы – учащейся, работающей, служащей в армии молодежи (юношей).

Психологической особенностью юношеского возраста является его *противоречивость*. Противоречивость находит выражение:

- во-первых, в *переходном характере развития* - от детства и подростничества к *взрослости* - определяя относительную маргинальность личности в этот период. Уже не ребенок, но еще и не взрослый! Включенность в две культуры – мир взрослых и мир детства обуславливает тревожность, эмоциональную неустойчивость, конфликтность, максимализм, застенчивость подростка.

Существование явления «молодежной субкультуры» свидетельство маргинальности и переходности этого периода.

- во-вторых, в несовпадении времени достижения морфофизиологической, половой, интеллектуальной и социальной зрелости юноши;

- в-третьих в том, что юность является одновременно возрастом как активной *социализации, так и индивидуализации* (открытия и утверждения своего уникального и неповторимого Я).

Период юности (17-21г.) традиционно рассматривается как начальная фаза вступления во взрослость.

Центральной задачей развития в подростковом возрасте является задача самоопределения в системе ценностей, общения и отношений между людьми. Другие задачи развития это:

- освоение «новой телесности», связанной с процессами полового созревания, формирование поло-ролевой идентичности и телесного образа Я;

- развитие абстрактного мышления;

- приобретение навыков межличностного общения с представителями своего и противоположного пола, вхождение в группу сверстников;

- становление новых отношений в семье на основе освобождения от родительской опеки, автономии и независимости (преодоление эмоциональной зависимости при сохранении потребности в психологической и материальной поддержке);

- выработка жизненной философии и системы ценностей;

- постановка задач будущего в области карьеры и образования;

- подготовка к семейной жизни.

Юность характеризуется особой социальной ситуацией развития – вступление во взрослую жизнь в обществе ставит перед молодым человеком задачу жизненного, профессионального и личностного *самоопределения*. Выбор профессии предполагает формирование профессиональных намерений, включая фазы предварительного выбора профессии, практического принятия решения с определением профессии, уровня квалификации в ней и формы профессиональной подготовки. Основная цель профессионального самоопределения в юности - формирование внутренней готовности к осознанному и самостоятельному построению, корректировке и реализации перспектив своего профессионального, жизненного, личного развития, способности самостоятельно находить личностно значимые смыслы в конкретной профессиональной деятельности

(Н.С.Пряжников,1996). Профессиональное самоопределение требует определенного самоограничения и критичного сопоставления собственных возможностей, интересов, способностей, с одной стороны, и возможностей и ограничений профессии.

Самоопределение, являясь выбором будущего пути, цели и смысла будущей жизни, предполагает выбор профессии, но к нему не сводится. Личностное самоопределение имеет ценностно-смысловую природу и предполагает активное определение личностью своей позиции относительно общественной системы ценностей и смысла своего существования. *Формирование ценностных ориентаций в сфере идеологии и мировоззрения, построение жизненных планов во временной перспективе* отражает единство процессов социализации и индивидуализации личности.

Возрастной период 17-22 лет как кризис «вступления в раннюю зрелость» направлен на решение двух основных задач – отделения от родителей и поиска своего места во взрослом обществе. Отделение от родителей может выступать в разных формах - уход из родительского дома, установление меньшей финансовой зависимости, принятие новых социальных ролей, преодоление эмоциональной зависимости от родительской поддержки и авторитета. Исследование возможностей и диапазона социальных ролей позволяют молодому человеку самоопределиваться во взрослом мире. Важнейшей задачей молодого человека становится создание модели жизненной структуры, включающей три основных измерения: социо-культурный мир (профессия, принадлежность к социальному классу, семья, карьера, социальные роли); измерение Я (мотивы, конфликты, тревожность, стратегии совладания, умения, чувства и пр.); форма активного участия в социальном взаимодействии.

С переходом к зрелым возрастам происходит изменение характера психического развития человека – от развития преимущественно в форме присвоения социально-культурного опыта к развитию в форме созидания культуры и самостроительству на основе творческой активности.

Задачами развития личности в молодости являются:

- поиск брачного партнера и создание семьи;
- перестройка отношений с родителями на основе равноправия, признания взрослости и независимости;
- формирование семейной системы (выработка семейных ценностей и уклада, формирование ролевой структуры семьи);
- начало реализации родительской функции и воспитание детей;
- принятие ответственности за семью;

- развитие профессиональной карьеры;
- развитие социальных отношений и принятие гражданской ответственности.

Молодость рассматривается как «время путешествий» в сфере поисков себя, своей индивидуальности, осознания себя как взрослого. В профессиональной сфере поиски себя реализуются в приобретении мастерства и индивидуального стиля.

Центральную позицию в социальной ситуации развития молодого человека в период молодости - вхождения во взрослость занимают отношения с наставником (Д.Левинсон). Наставник – это «значимый другой» в социальной ситуации развития взрослеющего человека. Наставник - «проводник во взрослую жизнь», поиск которого выступает как одна из важнейших задач развития во взрослости. В случае, когда общество ограничивает или не обеспечивает широких возможностей для обретения наставника из числа старших поколений, роль наставника принимает коллективный субъект – неформальная группа представителей молодежной субкультуры, выступающая как референтная.

Трудности самоопределения и статус молодежи в современном мире глобализации, техногенеза, навязывания принудительных форм потребления, резкого возрастания роли СМИ, социальной стратификации определяют ключевую роль институтов социализации, порождая множественные социальные риски. Основными институтами социализации, помогающими разрешить кризис самоопределения в современном обществе являются семья, система образования, трудовой коллектив, армия, общественно-политические организации, досуговые центры, интернет и СМИ

Социализация как трансляция социальных ценностей оказывается достаточно эффективной в условиях стабильности и устойчивости общества. В периоды социальных кризисов и трансформирования и размывания ценностно-нормативной системы социальных отношений прежние формы социализации оказываются несостоятельными, происходит «сбой» в действии прежних социальных институтов. Место социализации в этом случае занимает альтернативная социализация и десоциализация.

Альтернативная социализация – это социализация вне официальных общественных институтов. В молодежной среде возникло и резко усилилось за последние десятилетия явление социального эскапизма – ухода (выхода) молодого человека за пределы традиционных институтов социализации, соответственно в область интересов, увлечений и жизнедеятельности, не контролируемых обществом. Эскапизм как бегство от реальности в мир иллюзорный, виртуальный, заменяющий

юноше реальную жизнь, деятельность, общение, особенно в связи с развитием доступности Интернета, получил широкое распространение в современном российском обществе. Как правило эскаписты не порывают с обществом и противостоят ему, однако такой путь развития можно рассматривать как зону риска генезиса асоциального и антисоциального поведения. *Десоциализация* представляет собой развитие личности в направлении противостояния и конфронтации с обществом, имеющее негативные следствия и угрозу для общественных устоев и организации.

Семья как один из ключевых институтов социализации в современном обществе переживает кризисный период трансформации и перестройки в условиях бурных социо-культурных изменений. Неблагоприятные тенденции развития семьи и ухудшение микросоциальной (семейной) среды, определяющей социальную ситуацию развития ребенка, являются значимым фактором риска. Рост дисфункциональности, конфликтности, насилия в значительной части российских семей, обусловленный социально-экономическими трудностями, нестабильностью социальной системы, низким материальным уровнем жизни, трудности профессиональной занятости в большинстве регионов России, трансформацией традиционно сложившейся ролевой структуры семьи и распределения ролевых функций между супругами.

Изменение демографической ситуации – падение рождаемости и, как следствие увеличение удельного веса однодетных семей, что приводит к трудностям личностного роста и недостаточной коммуникативной компетентности детей, воспитывающихся в таких семьях.

Неудовлетворительный уровень реализации отцом воспитательной функции в значительном числе российских семей. Наряду с благоприятной тенденцией все более активного включения отца в процесс воспитания еще на этапе раннего детства ребенка и оптимизации системы эмоциональных отношений и кооперации ребенка с отцом, столь же ярко выступает тенденция дистанцирования отца от проблем воспитания, низкой эмоциональной вовлеченности, ориентации отца на родительство как значимый момент достижения личностной идентичности и психологической зрелости. В связи с миграцией населения в связи с трудоустройством и особенностями профессиональной деятельности наблюдается рост числа функционально неполных семей. Функционально неполная семья - нуклеарная семья, полная по формальному составу, в которой один из супругов не может постоянно выполнять свои функции. Причины, препятствующие реализации

супругом своих семейных ролей могут быть различны: тяжелое или хроническое заболевание, специфика профессиональной деятельности, длительное отсутствие супруга. Функционально неполная семья также должна быть отнесена к группе риска, а психологическая помощь такой семье направлена на разумное планирование функциональных обязанностей и поиск путей гармоничного сочетания самореализации личности в профессиональной деятельности и в семье.

Дисгармоничность системы семейного воспитания является достаточно распространенным симптомом дисфункции современной российской семьи.

У молодых людей все чаще юридически оформленный брак замещается гражданским браком, растет число людей осознанно предпочитающих одиночество браку. Наблюдается увеличение числа разводов - примерно 1/3 всех семей, заключивших брак, распадается. Психологическая "стоимость" переживания развода необыкновенно велика. По стрессогенности развод занимает второе место после смерти близкого человека. Полная психологическая реабилитация личности и преодоление негативных эмоциональных последствий развода констатируется лишь спустя 1 - 3 года после развода. Число распавшихся семей молодых людей весьма велико. Результатом развода и распада семьи становится формирование неполной семьи, преимущественно материнского типа. В значительном числе случаев в неполной семье наблюдается ролевая перегрузка матери и, как следствие, снижение эффективности родительства и воспитания. Типичными проблемами молодой семьи становятся нарушения общения, семейное насилие, отказ иметь детей, отложенное и девиантное родительство.

Система образования. Сегодня мы приходим ко все более полному осознанию того, что образование не есть простое усвоение знаний, умений, навыков и даже компетенций, а развитие личности во всем многообразии ее проявлений. Изменение парадигмы образования с ЗУН-овской на парадигму развития универсальных способов познания и освоения личностью мира коренным образом меняет наше представление о задачах системы образования как института социализации личности. *Профессиональное самоопределение* не одномоментный акт, не просто конкретный выбор профессии, а непрерывный процесс поиска смысла в выбираемой, осваиваемой и реализуемой профессиональной деятельности, процесс перевыборов на протяжении всего жизненного пути. Профессиональное самоопределение не ограничивается этапом выбора профессии на пороге окончания школы и стадии оптации, а продолжает оставаться актуальным и в период профессионального обучения. Профессиональное самоопределение активизируется

различными событиями – окончанием общеобразовательной школы, профессионального учебного заведения, повышением квалификации, сменой местожительства, профессиональной аттестацией, увольнением с работы и пр. Профессиональное самоопределение взаимосвязано с развитием самосознания и мировоззрения личности и является значимой характеристикой социально-психологической зрелости личности, ее потребности в самореализации и самоактуализации.

Критериями успешности профессиональной подготовки являются развитие профессионально важных качеств, принятие социальной роли и позиции профессионала, формирование адекватной системы мотивов профессиональной деятельности.

Показана связь между успешностью профессиональной деятельности, качеством профессиональной подготовки и развитием самосознания. Расщепление ценностного сознания общества, девальвация социальных и профессиональных ценностей и установок, «ценностный нигилизм», прагматизм и меркантилизм, проникающий в профессии социэкономического гуманитарного типа, приводит к кризису идентичности - ее деструкции и диффузии.

Необходимо повысить воспитательный потенциал учреждений общего, профессионального и высшего образования; обеспечить эффективную социализацию и гармоничное развитие личности в юношеском возрастах и молодости; осуществлять профилактику негативных явлений экстремизма, национализма, шовинизма, социальной нестабильности и поляризации в образовательных учреждениях и в обществе в целом; повысить уровень безопасности жизни населения.

Армия, являясь крайне значимым институтом социализации в точки зрения формирования гражданственности, патриотизма, социальной позиции молодых людей все чаще не только не справляется с предписанной ей обществом ролью, но и не оказывая должного сопротивления распространению контркультуры – «дедовщины», негативной идентичности, явлений эскапизма. Коренная перестройка всей системы боевой и воспитательной работы в армии является необходимым условием развития правового гражданского общества в России.

Общественно-политические организации. Общая нестабильность общества, его поляризация и многоукладность в период радикальных социальных преобразований порождает ряд новых социальных явлений:

- неустойчивость общественного мнения, выражающего позиции разных социальных групп;

- большое количество массовых социальных движений с радикальными векторами;

как результат — возникновение внутри этих групп и движений «групп риска» с тенденциями к экстремизму

В этих условиях особое значение приобретает *политическая социализация* — адекватное представление о власти и властных отношениях и формирование представлений о своих правах, умение ими пользоваться. Процесс политической социализации это процесс активного вхождения в политическую культуру, формирование ценностно-ориентированной гражданской позиции.

Важной составляющей сознания и самосознания личности является *правовое сознание*. Развитие правового сознания подростков и молодежи отражает переход современного российского общества к демократическому правовому государству. В демократически организованном государстве граждане готовы к признанию той власти, которую они воспринимают как законную, или легитимную. Признание легитимности политической власти основывается на принятом в обществе *критерии справедливости*, воплощенном в сформировавшихся ожиданиях членов общества по отношению к власти. Подобные *ожидания справедливости* складываются из сопоставления людьми представлений о своих должных и реальных правах, оценки действующих законов по шкале "справедливости - несправедливости", представлений о справедливых нормах и формах общественных и политических отношений. Поэтому *ожидания справедливости* являются составной частью правового сознания и оказывают существенное воздействие на установление определенной формы политического правления. Тема правового сознания непосредственно связана с представлением о законе как регулирующем механизме общественных отношений, а значит, и с его оценкой с точки зрения справедливости. Проблема законопослушности сводится к интериоризации целесообразности исполнения законов, закон будет исполняться тогда, когда целесообразность его исполнения перейдет в "личностный смысл"¹ А.Н. Леонтьев. Таким образом, эффективность правового сознания зависит от представления граждан о справедливости, т.е. оценки степени равного их исполнения для всех - от практической реализации демократического принципа равенства всех граждан перед

¹ По А.Н. Леонтьеву

законом. Представления людей о справедливости в сфере политико-правовых отношений связаны в их сознании с конкретными правовыми установками (отношение к законам и правам) и их политическими взглядами (установками по отношению к государству и форме политического правления), а также принадлежностью к определенной социальной группе. Дефицит «веры в справедливость» общества и государства характерен для значительной группы современной молодежи России. Переход молодежи из позиции «наблюдателя» в позицию «созидателя» гражданских прав, свобод и обязанностей личности через участие в социальной практике составляет серьезную перспективу развития правового сознания этой возрастной группы населения.

Формирование гражданской идентичности и позиции личности реализуется посредством приобретения гражданской компетентности, организации и осуществления гражданских акций, последовательного освоения личностью различных модальностей ее гражданского бытия в современном обществе путем «ролевого экспериментирования» (Э.Эриксон).

Технологии приобретения гражданской идентичности должны включать:

1. систему мероприятий по сопровождению процессов самопознания и самоопределения, формирования групповой и личностной идентичности подростков, юношей, молодежи;

2. рекомендации по созданию системы социально-психолого-педагогических условий расширения развитие сфер самовыражения молодых людей. Главными условиями должны выступить создание молодежных организаций, альтернативных неформальным молодежным сообществам типа асоциальной контркультуры и расширение самоуправления в образовательных учреждениях;

3. формирование коммуникативной компетентности молодых людей, как базового условия активного включения в социальную жизнь и самореализации личности.

В современной России просоциальных массовых юношеских общественных организаций крайне мало. Соответственно, возможности общественно-политического «экспериментирования и самовыражения» на фоне разрешения жизненного, идеологического и политического самоопределения как возрастной задачи развития оказываются резко ограниченными. "Узловым рубежом" в социальном развитии личности является занятие подростком позиции "Я и

общество", т.е. определение себя в обществе и через общество². Отметим при этом, что молодые люди с 14 лет обретают, хотя и не в полном объеме, гражданские права и становятся их субъектом. Этот факт стимулирует появление в этом возрастном периоде интереса к социальной активности, которая в ряде случаев реализуется в общественных организациях и социальных инициативах, что выступает важным фактором становления гражданской идентичности. Тем не менее, пассивность в проявлении социальной активности составляет характерную черту современной молодежи. Вместе с тем сегодня можно говорить о возрождении интереса к данному институту социализации и возвращении к его государственной и социальной поддержке как полноправного института социализации, обеспечивающего гражданское самоопределение молодых людей, формирование гражданско-правового, демократического общества.

Развертывание и поддержка деятельности общественно-политических организаций составляет важное условие формирования гражданской идентичности, патриотического воспитания подростков.

В основе формирования гражданской идентичности и просоциальной направленности личности лежит *гражданское самоопределение*, понимаемое как целенаправленный процесс формирования гражданского облика человека как гражданина своего Отечества, основанное на приобретении компетентности в нравственной правовой культуре, усвоении определенной суммы гражданских знаний и осознании себя, своих прав и обязанностей, как человека и гражданина России, осознание причастности к большой и малой Родине: ее языку, истории, традиции, культуре, мировой культуре и истории.

Молодежная субкультура, досуговые центры, интернет и СМИ

Молодежная субкультура выполняет функцию обеспечения процессов самоопределения и самоактуализации молодого человека.

Молодежная субкультура представляет собой форму возрастной стратификации подростков, юношей, возраста «вступления во взрослость». Молодежная субкультура представляет собой систему ценностей и образ жизни, противоположный ценностям и образу жизни общества взрослых. Иными словами, юноши, как бы «выпадают» из мира взрослых, находятся вне социальной структуры. Особенность самосознания представителей молодежной субкультуры в том, что они осознают себя вне структур общества, «выпавшими из общества. В рамках анализа

² По (Д.И.Фельдштейну

феномена молодежной субкультуры, как правило акцентируется «кризис социализации» или конфликта поколений. Нарушение связи между поколениями разрывает процесс передачи системы ценностей, что составляет отличительную черту молодежной субкультуры, по сравнению с «культурой большинства».

Можно выделить два подхода, дающих различную интерпретацию феномена «молодежной субкультуры». Сторонники первого подхода полагают, что состояние лиминальности (пороговости) характерно лишь для переходного периода, когда человек изменяет свою социальную позицию с одной «не – взрослой», на другую «взрослую». Найдя свое место в социуме, человек покидает сферу молодежной субкультуры (Т.Парсонс, В.Тэрнер). Здесь решение о «выходе» из просоциальной культуры и включении в контркультуру принимает сам человек. Чаще всего спустя некоторое время новое поколение встраивается в ту же культуру, что и предшествующее. Второй подход основывается на представлении о социальных сдвигах как причине молодежной субкультуры и теории различных типов культур – префигуративной, фигуративной и постфигуративной (М.Мид). Взрослеющая молодежь обнаруживает мир, расходящийся с их детской прежней картиной мира. Процесс социализации нарушается в силу того, что общественные перемены происходят столь быстро, что молодежь отказывается принимать ценности и опыт взрослых как явно устаревший и неадекватный современной реальности и отторгает его. По сути, новое поколение оказывается один на один с необходимостью делать новые выборы и строить новую социальную структуру. Здесь новое поколение выступает инициатором смены ценностной культурной парадигмы.

Указанные подходы не противоречат друг другу, а скорее обогащают друг друга. В традиционных обществах в стабильные периоды представители субкультур - это те, кто находится в процессе перехода в социальной структуре. В периоды радикальных социальных перемен представители субкультур – те, кто отрицает ценности культуры большинства и предпочитает уход в контркультуру или экстернальную культуру.

Функции и сущность контркультуры определяется культурно-историческими условиями и социальной динамикой развития общества как системы. Контркультуру нельзя противопоставлять официальной культуре – между ними существует глубокая связь и взаимодополнительность. Соотношение основной и экстернальной культуры могут строиться по одной из трех моделей – изоляция, источник развития и инверсия. В стабильном (традиционном) обществе реализуется модель изоляции, при которой представители субкультур оказываются

изолированными ритуальным барьером. Нормы и ценности, реализуемые контркультурой, практически не проникают в «большое» общество и отвергаются им. Представители молодежной субкультуры образуют «неформальные группы», квалифицируемые как «отклоняющиеся». Модель «источник развития» реализуется в эпохи общественных перемен, когда ценности и нормы предшествующих поколений приходят в острое противоречие с реальными историческими переменами, что вызывает конфликт поколений (проблемы «отцов и детей»). В рамках этой модели отношений за молодежной субкультурой признается культуротворческая развительная функция. Аналогично «карнавальной субкультуре» (Ю.М.Лотман), молодежная контркультура является основой развития общества в целом, закладывая ростки вариативности развития и выхода за пределы традиционной реальности. Идеи и нормы экстернальной культуры проникают в основную культуру и перестраивают социальную систему, конечно, лишь в том случае, если они адекватны происходящим переменам в системе социального функционирования. Модель «инверсии» актуализируется в ситуации идеологического ценностно-нормативного «переворота» и характеризуется тем, что идеи, нормы и символы экстернальной культуры становятся основой структурирования и упорядочивания общества, а традиционные ценности становятся «внешними» и со временем приобретают статус экстернальной (внешней, «чужой») субкультуры.

Молодежная субкультура выполняет следующие функции: социализацию молодежи как процесс смены и трансформации позиций в социальной структуре; культуротворческую функцию; функцию «источника развития» общества; функцию удовлетворения потребностей молодого человека в самоопределении и самореализации; обеспечении потребностей в безопасности, аффилиации, общении.

Неформальное молодёжное объединения – социально-психологическое явление, представляющее собой попытку адаптации молодых людей к тем проблемам, с которыми они сталкиваются в подростковом и юношеском возрастах, в течение того периода, когда они постепенно входят в самостоятельную жизнь в современных конкретно-исторических условиях. Неформальное молодёжное объединения определено как общность, состоящая из подростков и лиц молодого возраста, характеризуемая рядом неотъемлемых признаков; таких как «возникновение на базе стихийного общения в конкретных условиях социальной ситуации; самоорганизация и независимость от официальных структур; обязательные для участников модели поведения, направленные на реализацию

потребностей, не удовлетворяемых в обычных формах жизнедеятельности. Неформальное молодёжное объединения - группа людей, имеющих общую деятельность, специфическую систему ценностей и связанную с ней модель поведения; выразительную систему атрибутов; стиль общения, определяемый сюжетом, ритуалами принятия новичков, посвящения, исключения, особенностями ролевого поведения.

Основными характеристиками молодежной субкультуры являются:

- *самоорганизация*, как формирование в ситуации неопределенности ролевых и коммуникативных структур. Как правило, неформальные объединения характеризуются трехслойной иерархической структурой. Например, в армейской субкультуре «дедовщины» - «деды» (сверху), «шнурки» (снизу) и между ними средний слой. Аналогично в лагерной подструктуре – «воры» - элита, «мужики» - средний слой; «опущенные» или «чушки» - нижний слой; а в субкультуре «металлистов» - лидер и элита, металлисты и гопники.

- выработка *ритуалов*, определяющих обряды инициации – перехода в новое состояние ранга, статуса, возрастную группу;

- *символика* как способ маркировки «своих» и «чужих», знаки принадлежности к сообществу и статусу в рамках сообщества; обеспечивающая коммуникацию благодаря невербальным (символы) и вербальным – сленг – средствам;

- *референтность* - степень значимости для представителя субкультуры статуса принадлежности, степень уважения ценностей, норм группы;

- *групповая идентичность* - общность самосознания, степень принятия ценностей, норм, жизненных целей и стратегий субкультуры и степень идентификации с ней.

Институт СМИ. С. Московичи в своей психологической концепции развития общества указывает, что движущей силой развития современного общества и причиной его деформаций является *развитие способов коммуникации*.

Средства массовой информации выполняют важнейшую функцию социального конструирования идентичности, предлагая тот или образ России, задающий различные сценарии развития, находящие отражение в как в заданности и предопределенности, так и в неповторимости траекторий развития человека в пространстве личностных выборов. Институт средств массовой коммуникации становится одним из ведущих институтов социализации личности в обществе 21

века. Насколько же успешно справляются СМИ со своей жизненно важной для общества ролью?

Современный мир устроен так, что воспринимается преимущественно через средства массовой информации. На смену традиционной схеме познания человеком мира посредством непосредственного взаимодействия с ним приходит новая модель описания коммуникации, в которой отношения субъекта и объекта опосредствованы СМИ.

Особенность коммуникации в этой сфере в том, что она направляется и регулируется социальными институтами с целью управления и организации социальных групп и общественных движений. СМИ при этом выполняют функции отбора, фильтрации, структурирования информации, создавая своеобразную «призму», через которую осуществляется восприятие мира, познание и постижение человеком его социального и природного устройства. Зачастую при этом возникает реальная опасность насильственного воздействия на сознание и умы людей. Отметим, что манипулирование сознанием вовсе не означает предоставления ложной или недостоверной информации. Напротив, более эффективным воздействие на индивидуальное, групповое и общественное сознание будет в том случае, когда достоверная информация будет соответствующим образом представлена. Во всем мире становится все более заметной тенденция «добровольно-принудительного», осуществляемого посредством современных технологий, навязывания отдельным людям и целым сообществам, регионам планеты некой тщательно спланированной системы стандартов, правил, ценностей любой значимой деятельности (Фуко М., 1999). Такие международные организации как Совет Европы и ЮНЕСКО ставят как актуальную задачу просвещения и образования юношества и молодежи в области СМИ. Необходимо формировать известную компетентность в этой сфере посредством создания системы медиаобразования как особого социального приоритета, направленного на то, чтобы обеспечить необходимый уровень культуры пользования информационными и другими возможностями.

Риски общества, организованного с помощью коммуникативной сети, по словам С. Московичи состоят в размывании идентичности, повышенной внушаемости, утрате рациональности. Прямым следствием утраты идентичности становится девальвация нравственного начала, патриотизма, добросовестного профессионального труда, широкое распространение «невротической триады» - тревожности, чувства одиночества и отчуждения, бессмысленности существования,

человек начинает жить сегодняшним днем, теряет жизненную перспективу, становится человеком «без рода и племени», «не знающим родства», утратившим связь поколений.

Последнее достижение научно-технического прогресса общества - Интернет-технологии далеко не однозначны. Открывая практически почти неограниченные возможности получения информации, они в той же степени могут служить распространению дезинформации. Обеспечивая невиданные ранее возможности общения между людьми, они нередко оказываются средством создания иллюзии общения. Удовлетворяя естественную потребность человека в общении в особом виртуальном пространстве, Интернет коммуникации вытесняют и ограничивают традиционные формы общения, приводя к вымыванию эмоционально-насыщенных личностно-ориентированных форм общения, порождая чувство одиночества, враждебности, утраты базового доверия к миру. Возникающий коммуникативный дефицит в свою очередь компенсируется современными коммуникативными технологиями, еще более усиливающими чувство изоляции и утраты Я.

1.2 Особенности психического развития

В целом можно говорить о более высоком уровне социального развития детей всех возрастов и их более высокой социальной зрелости. Уровень осведомленности о социальных ролях, нормах, общественном устройстве возрос за последние 7-8 лет почти в 3 раза (у подростков более чем в 4 раза). Увеличивается и социальная сеть контактов детей и подростков (уже с младшего школьного возраста), прежде всего благодаря виртуальному общению. Но так как при этом происходит и обмен информацией и социальными представлениями можно говорить о развитии их социальной компетентности в целом

Существенно возросло стремление к самоутверждению (хотя, скорее можно назвать это стремлением к доминированию и самопрезентации), особенно в подростковом возрасте. В то же время, эта тенденция появилась в последние 3-5 лет даже у дошкольников. Важно отметить возросшую потребность к самопрезентации и самоутверждению у девочек и девушек, которая существенно (почти в 3 раза) выросла за последние 10 лет. Видимо, можно говорить о том, что вначале самоутверждение расценивалось как проявление маскулинности, и поощрялось, главным образом, в поведении мальчиков и юношей. Теперь многие родители рассматривают стремление к самоутверждению как залог успешности, в том числе и деловой активности, возможности сделать карьеру, а потому поощряется независимо от пола.

Необходимо отметить и развитие социальных представлений о мире, об обществе и окружающих людях, которые активно формируются на всех этапах онтогенеза. Диагностика социальных представлений на протяжении последних 12 лет показала малую структурированность различных социальных представлений друг с другом. Этот факт, очевидно, связан, главным образом, с теми кардинальными трансформациями, которые происходят в последние десятилетия в мире (и, особенно, в нашей стране), и вытекающей из этого неопределенностью и текучестью ценностей, установок и нормативов. Важным моментом является тот факт, в последние 2-3 года появляется положительная тенденция, так как у подростков и студентов начинается систематизация социальных представлений. Это еще не говорит о появлении целостной системы ценностей и мотивов, но может свидетельствовать о возможности формирования у более молодых членов общества целостного и устойчивого мировоззрения.

Полученные в разных исследованиях результаты свидетельствуют о том, что стремление к социальной самореализации является одним из доминирующих мотивов на всех этапах Детства – от дошкольного до юношеского возраста. Правда, необходимо отметить, что эта потребность носит своеобразный характер, созвучный многим современным социальным установкам. В ответах подростков и молодежи отчетливо видно стремление к карьере, богатству, успеху вообще, без конкретизации в какой деятельности. Ответы дошкольников в последние 3-4 года также существенно изменились, теперь у них тоже доминируют желания, связанные с деньгами и успехом.

Многие дети (и подростки) в качестве эталонов выбирают олигархов, и почти никогда выдающихся ученых, политиков, актеров (выбор актеров был очень характерен еще 4-5 лет назад). Немногие еще продолжают ориентироваться на спортсменов в качестве эталона для деятельности и карьеры. Эта тенденция к смещению понятий социальной реализации и карьеры, денег и успеха, характерна для всех возрастов и всех социальных групп, независимо от материального и социального статуса семьи и места проживания.

Однако в последние пару лет были выявлены новые факты – почти 35% процентов подростков хотят быть похожими только на себя, и не хотят никому подражать. При этом они также хотят добиться успеха, но уже не связывают его однозначно с деньгами. У подростков, имеющих серьезные увлечения, стремление быть похожим только на себя еще выше – 61%.

Еще одним феноменом, который стал активно проявляться у нас в последние 3-4 года и пока в большей степени в юношеском возрасте, является дауншифтинг, то есть сознательный уход от активной социальной жизни, связей, карьеры. За рубежом это явление известно давно и, хотя не имеет очень широкого распространения, но включает все более широкие слои общества, преимущественно молодежи.

Одной из основных причин дауншифтинга является расхождение между индивидуальными ценностями и теми, которые навязывает человеку социум. В частности, дауншифтинг может рассматриваться как стремление уделять больше внимания видам деятельности, доставляющим удовольствие (что характерно для ребенка, часто не желающего делать то, что нужно, но не хочется). Тот факт, что дауншифтинг приобретает более широкое распространение (если не как реальность, то как притягательная идея) в последние годы, дает основания связать его с экономическим кризисом, который показал для части молодежи сложности в построении карьеры и накоплении денег. Это сказывается в ответах уже работающих молодых специалистов, и, как результат, начинает сказываться в ответах и ценностях более молодых членов общества.

Полученные данные позволяют проследить определенную динамику потребностной сферы детей и подростков за последние 7 лет. Первая тенденция связана со снижением количества и разнообразия потребностей. Если в 2000-х годах в среднем у дошкольников присутствовало не менее 5-6 ведущих потребностей, (у подростков – 7-9), то в 2009-10 годах их число составляет соответственно 3-4 и 5-6 потребностей. При этом постоянно возрастает значение материальных потребностей, которые переходят с 5-6 на 1-3 места в иерархии потребностей.

Еще одной закономерностью становится уменьшении потребности в общении со сверстниками, что особенно явно видно в подростковом возрасте. Необходимо отметить и тот факт, что доминирующие потребности подростков часто выполняют компенсаторную функцию. Поэтому у учеников из семей, где отсутствуют дружеские связи (но, часто, имеется материальное благополучие) первое место в иерархии занимает потребность в счастливой семье, а у учащихся и студентов из семей с низким социальным и материальным статусом - карьера, как способ преодоления материальных трудностей и обретения свободы.

Существуют различия и в мотивационных блоках подростков большого и малого городов. В иерархии потребностей подростков большого города доминируют

карьера, самореализация, уважение окружающих, тогда как у подростков малого города доминируют конформность, уважение к традициям, счастье.

Исследования социальных связей детей и подростков, начиная с середины 1990-х годов, показывают увеличение числа контактов с близкими взрослыми и рост их значения. Количество контактов со сверстниками, не убывая количественно, теряет свою значимость с точки зрения важности советов, помощи в трудной ситуации и т.д. Главным является тот факт, что роль сверстника в развитии групповой идентичности, представлений о себе и о мире, о которой говорили ученые на протяжении длительного времени, существенно меняется. Возможно, в начале периода кардинальных социальных трансформаций, усиление роли семьи было связано с неопределенностью, тревогами, которые делали семью убежищем, сплывая ее членов (в том числе и детей, и подростков) в ситуации трудностей, изменений.

Однако и в период стабилизации (с начала 2000-х годов), и в семьях, где отсутствуют эмоциональные связи между родителями и детьми, роль взрослого (знакового, педагога, кого-то из родственников) продолжает оставаться не менее важной, чем роль сверстника. Это говорит о том, что представления о важности контактов со сверстниками в формировании представления о мире в период трансформаций (конфигуративное общество) могут быть частично пересмотрены.

Это подтверждается и тем фактом, что за последние годы значение сверстников в социальных контактах постепенно падает. Если еще в 2005 году ценность сверстников и общения с ними была велика и для младших школьников, и для подростков (почти 60% подростков отмечали значение сверстников для эмоционального благополучия), то уже в 2009 году общение со сверстником становится гораздо менее значимым. Лишь треть младших школьников и около 40% подростков говорят о важности для себя контактов и дружбы со сверстниками. При этом падает авторитет и значение педагогов, которым подростки не доверяют и мнение которых не является значимым.

С возрастом увеличивается значение личного опыта и снижается авторитет друзей и близких в выборе увлечений, источников информации, приятелей. Исследования показывают наличие у младших и старших подростков острой потребности во внешней стимуляции, спорте, музыке, информации о моде и т.д., но, в меньшей степени, потребности в реальных социальных контактах. Возможно, это связано с трудностями общения со сверстниками и плохой социализированностью в группе, тем более группе официальной (классе).

Изучение социальных оценок и переживаний детей и подростков, раскрывающих отношение к окружающим людям и обществу в целом, показало, что значительная часть (более трети) детей полностью положительно оценивают окружающий мир и взрослых. Эта цифра практически не изменилась за последние 10 лет. В то же время изменилась картина социальных представлений, оценок и переживаний той части детей, которые оценивают окружающее более дифференцированно.

Так, в конце 1990-х годов, большая часть дошкольников принимала нормы и правила, транслируемые взрослыми. В 2009 году у дошкольников выросла отрицательная оценка взрослых (11% негативно оценивают близких, и 19% - педагогов в дошкольных учреждениях). В то же время количество отрицательных оценок, данных сверстникам, почти не изменилось.

У младших школьников также возросло отрицательное отношение к педагогам (23%), нормы и правила отрицательно оценивали уже 39%, а в 4 классе даже 47% учеников, в то же время процент детей, отрицательно оценивающих одноклассников почти не изменился - 25%.

У подростков существенно выросло отчуждение от школы, нормы и правила которой не принимает почти 60% подростков. Еще более тревожным является тот факт, что вырос процент подростков, отрицательно оценивающих и относящихся к миру вообще (16%). Отрицательная оценка педагогов почти не изменилась (51%), но увеличилось число отрицательного отношения к сверстникам (от 22% к 34%), и близким взрослым (от 19% к 23%). Тревожным моментом является и то, что сравнительные исследования показывают, что российские подростки считают, что их мир менее предсказуем, у них более низкий уровень оптимизма, чем, у подростков из многих европейских стран (Финляндии, Венгрии, Франции, Чехии, Словакии).

Эти результаты свидетельствуют об общем недовольстве, испытываемом подростками при оценке своего места в мире взрослых, у них есть желание что-то изменить, хотя понимание содержания этих изменений крайне расплывчато и неосознанно. Это также тревожный факт, так как такое мироощущение открывает путь для канализации неосознанной энергии подростков в деструктивном русле.

В понимании различий в образе мира между взрослыми и подрастающим поколением, необходимо учитывать тот факт, что дети и подростки выросли в новой социальной ситуации, которая воспринимается ими, в отличие от взрослых, уже не как изменчивая и текучая, но как стабильная, а новые социальные реалии, ценности

и нормы – как существовавшие всегда. Это, наряду с отношением к информации, ее содержанию и способам ее получения существенно отделяет их от взрослых.

В то же время их осведомленность часто существенно отстает от их активности и умения контролировать и регулировать свое поведение, преодолевать трудности, инфантилизмом.

Эти данные доказывают необходимость как формирования индивидуальных стратегий социализации детей и подростков, так и индивидуальных стратегий общения с детьми педагогов. Эмпирические материалы показывают, что наиболее значимой в формировании индивидуальных стратегий взаимодействия с детьми педагогов начальной школы является направленность на оптимизацию взаимоотношений между учениками, повышение познавательной активности детей, сочетание принятия с контролем во взаимодействии педагога и учеников.

Серьезной проблемой социализации подростков является и несовпадение ожиданий педагогов и родителей в отношении их поведения, увлечений и будущего. Причиной такого несовпадения во многом являются различия в системе ценностных ориентаций педагогов и родителей, и, прежде всего, их отношения к образованию, ценности знаний, творческой деятельности. В большинстве своем педагоги (по крайней мере, в опросах и анкетах) отмечают эти ценности как ведущие и оценивают детей и подростков, исходя из соответствия этим ценностям. В то же время для многих родителей ценность образования связывается не с познавательной активностью, но с поступлением в институт, успехом и карьерой.

Необходимо подчеркнуть и то, что низкий уровень социализированности и невысокий уровень культуры затрудняют формирование положительного отношения и положительной оценки окружающего мира детьми и подростками, формирование у них социокультурной идентичности. Поэтому в качестве фактора, помогающего социализации, часто начинает использоваться этническая идентичность, которая также дает укорененность и уменьшает неопределенность настоящего и будущего. В современной ситуации этот вопрос приобретает исключительную важность, так как включение этнической идентичности как стабилизационного фактора во многом становится причиной нетерпимости к другим народам и социальным группам. Это доказывает и реальность нашего времени, когда социальная нестабильность в многонациональных государствах проявляется в обострении национальных конфликтов.

Характер эмоционального развития претерпел существенные изменения преимущественно в старшем дошкольном и, в меньшей степени, младшем

школьном возрасте. У детей увеличилось знание о способах выражения эмоций и эмоциональных состояниях, а также общая осведомленность о количестве эмоций, умение «читать» эмоции окружающих и выражать свое эмоциональное состояние. Одновременно существенно снизилась эмпатия, при этом эмпатическая реакция перешла со сверстника (было 41%, стало 33%) и взрослого (было 32%, стало 23%) перешла на домашних животных (было 27%, стало 44%). По-видимому, это связано с более выраженным одиночеством ребенка в семье, меньшим общением со сверстниками и, соответственно, увеличением доли общения с домашними животными, которые намного чаще появляются в семьях.

Еще одной яркой характеристикой эмоциональной сферы современных детей является тот факт, что наиболее активным механизмом стал механизм подавления эмоций (38%, было 12%). Менее выражены изменения в механизме их симуляции (было 18%, стало 24%), в то время как копирование, заражение и т.д. выражены намного слабее. Это свидетельствует о том, что дети стараются не показывать свои реальные переживания, либо подавляя, либо маскируя их, одновременно демонстрируя окружающим ту эмоцию, которую они ждут от детей. Хотелось бы подчеркнуть, что речь идет о старших дошкольниках, которые раньше выражали свои эмоции достаточно открыто.

Таким образом, можно констатировать, что уже с 6-7 лет, происходит подавление аффективного компонента переживаний когнитивным. Эта тенденция отчетливо выражена и в подростковом возрасте.

Хотелось бы отметить и то, что у современных детей высоко дифференцируются показатели эмоционального развития. Самая высокая дифференциация приходится на средний дошкольный возраст (4-5 лет), который можно обозначить как сензитивный для социализации эмоциональной сферы ребенка и ее направленной амплификации.

Изучение особенностей личностного развития показывает, что существенно увеличился разброс в уровне самооценки, хотя ее адекватность немного возросла. Личностная активность, также как и самооценка, стали в меньшей степени, чем раньше зависеть от внешних факторов, при этом уровень адекватности самооценки, как и дифференцированности представлений о себе напрямую зависит от интеллекта детей.

Наиболее ярко эта связь проявляется в количестве параметров, данных дошкольниками и младшими школьниками в самоописаниях. Идентификация начинается с первых лет жизни детей, прежде всего, личностная и социокультурная.

Сначала, в основном, с объективными эталонами – страна, пол, затем с основными социальными ролями. К младшему школьному возрасту появляется идентификация с обобщенными качествами и ценностями, увлечениями, и постепенно исчезают конкретные эталоны, связанные с персонифицированными носителями определенных качеств.

Важной особенностью является тот факт, что, если пять лет назад в содержании идентичности дошкольников преобладали объективные параметры, то к 2014 году большее значение начинают играть субъективные параметры, которые даже преобладают у почти трети детей 6-7 лет. Доминирование субъективных критериев у современных детей, по-видимому, связано с тем, что они больше выделяют личностные и индивидуальные особенности и хорошо соотносят их с собственным образом-Я.

Если в 2009 году 76% старших дошкольников, независимо от места проживания, видели у себя только положительные качества и не осознавали своих недостатков, то в 2014 году 54% старших дошкольников оценивали себя однозначно положительно, остальные признавали у себя и отрицательные качества. То есть в 2009 году 24% детей имели дифференцированное представление о себе, а в 2014 – 46%. Это говорит о том, что их представления о себе стали более дифференцированы и реалистичны. Даже маленькие дети стали лучше осознавать себя, выделяя разные, причем субъективные, параметры при описании. По-видимому, это связано с более широким и разнообразным кругом общения, в том числе и за счет расширения информационного пространства.

С возрастом дети чаще отмечают свою половую принадлежность (в 5-6 лет 8%, а в 6-7 лет 11% ответов), что объясняется закономерным развитием гендерной идентичности, включающей единство физического, социального и психологического плана принятия своего пола. На идентификацию влияет и смена социального положения. Например, если в 5-6 лет социальный статус называют лишь 3% детей, то к семи годам, в преддверии поступления в школу и приобретением новой роли, соответствующих ей прав и обязанностей, это происходит в 3 раза чаще (до 9%). К 6-7 годам в структуре идентичности детей начинает все большее место занимать семейные роли (11%), которые до этого почти не назывались. Возможно, это связано с тем, что чем старше становятся дети, тем больше обязанностей в семье они выполняют.

В 2009 году было выявлено только 4% дошкольников, которые относятся к себе отрицательно, не принимают себя. Через пять лет их стало несколько больше –

7% детей имеют негативную идентичность. Эти данные позволяют констатировать, что эмоциональный компонент личностной идентичности относительно стабилен, большинству детей свойственно принятие себя, что является, как показывают многие исследования, необходимым условием личностного роста и успешной социализации. Поэтому увеличение числа детей с отрицательным отношением к себе (а не просто наличием отрицательных качеств в содержании личностной идентичности) является достаточно тревожным фактом.

Возрастная динамика процесса становления личностной идентичности не зависит от социальной принадлежности детей и подростков и степени обеспеченности их родителей. Общая тенденция выражается в том, что происходит увеличение осознанности и адекватности представлений о себе и своем будущем, увеличение эмоциональной насыщенности этих представлений, расширение числа социальных ролей и субъективных качеств, включаемых в представления о себе. В значительной степени совпадает не только возрастная динамика, но и содержание личностной идентичности подростков, принадлежащих к различным социальным группам в плане ролевого репертуара и ценностных ориентаций. Приоритетными являются карьера, собственность и социальные роли, а вторичными – личностные качества, учеба и семейные роли, что, по-видимому, отражает общие для всех подростков эталоны и установки, связанные с реальными ценностями современного российского общества.

Различия выражаются в том, что подростки и юноши из семей с более низким социальным статусом и материальным достатком более социализированы и адаптированы к актуальной ситуации, в то время как учащиеся из обеспеченных семей склоны к проявлению личностного и социального инфантилизма. Существуют значительные отличия между ними и в оценке будущего. Подростки, которые уверены в том, что родители помогут им и после школы, имеют более четкие представления о будущем, в то время как у учеников 11 классов, которые не уверены в материальных и социальных возможностях своих родителей (это, в частности, большинство учеников обычных средних школ) ярко выражены признаки тревоги и неуверенности. При этом материальный достаток не только повышает степень уверенности в своем будущем и степень защищенности в семье, но и существенно снижает уровень личностной активности.

Таким образом, полученные эмпирические данные позволяют сделать вывод, что у юношей и девушек такие факторы как уверенность в своем будущем, степень защищенности в семье, материальная обеспеченность и возможность свободного

перемещения по миру определяют количество и содержание (наполнение) ролевого репертуара, а также содержание и степень интериоризации ценностей и эталонов.

Выше уже отмечалось, что существуют отличия в обмене опытом и характере взаимодействия взрослых с детьми в мегаполисах и в малых городах. Это подтверждается и результатами исследования идентичности детей и подростков, проживающих в большом и малом городе. Для подростков из малого города приоритетными являются социальные роли, групповая принадлежность, уважение традиций, конформность, рефлексивность, в то время как для подростков из большого города важны индивидуальные и личные качества, собственная независимость и автономность. Полученные данные также говорят о том, что образ Я дошкольников, проживающих в мегаполисе, является более негативно окрашенным. Они чаще, чем их сверстники из малого города используют в своих самоописаниях негативные характеристики – ленивый, не слушаюсь маму и т.п. Представление о себе детей из малого города не только более позитивно, но и более целостно, что проявляется в устойчиво большем количестве положительных выборов при самоописании.

Половина обследованных нами в 2014 году детей имеют высокую тревожность, в то время как в 2009 году высокая тревожность наблюдалась у немногим более трети детей. Это затрудняет процесс принятия правил и осложняет вхождение в новые социальные группы, причем более высокий уровень тревожности отмечается у мальчиков (61%, у девочек – 49%). Это также отличается от данных пятилетней давности, где показатели тревожности были ниже и одинаковы у мальчиков и девочек (в среднем 35-38%).

Изучение агрессивности и конфликтности показало, что большая часть детей способны разрешать конфликтные ситуации, оставаясь в рамках социальной нормативности. В то же время уровень агрессивности остается высоким (43% имеют высокий уровень агрессивности, и 39% - средний) и мало изменился за последние 5 лет. Это может свидетельствовать о том, что данные о способах разрешения конфликтов являются скорее знаемой, чем реально действующей мотивацией. Тревожным является тот факт, что за последние годы количество агрессивных девочек увеличилось почти на 30%, хотя уровень агрессивного поведения у мальчиков остается постоянным. , в то время как Возможно, это связано с тем, что в последние годы установка на успешность связывается с агрессивным поведением независимо от пола, что, видимо, и привело к росту агрессивности и у девочек.

Таким образом, можно констатировать, что эмоциональный компонент личностной идентичности не зависит от возраста, большинству детей свойственно принятие себя, что является, как показывают многие исследования, необходимым условием личностного роста и успешной социализации детей и подростков. Поэтому увеличение числа детей и подростков с отрицательным отношением к себе является достаточно тревожным фактом.

1.3 Межпоколенное общение как фактор противодействия экстремизму

Проблема коммуникации и взаимодействия в современном транзитивном обществе является одной из важнейших, так как во многом именно общение детерминирует социальное развитие детей. В общении не только складываются отношения, передаются представления о мире и об окружающих людях, формируется коммуникативная компетентность, но и интериоризируются нормы и правила поведения, возникают новые эталоны и ценности.

При этом важны как отношения по вертикали (дети - взрослые), при которых происходит трансляция ведущих для культуры ценностей и эталонов, так и отношения по горизонтали между сверстниками, в процессе которых и формируются новые групповые эталоны и правила.

В процессе общения детей, сверстников и взрослых формируется и гражданская идентичность, становление которой является одной из важнейших задач современной социализации. Гражданская и социокультурная идентичность не только являются предпосылками продуктивного социального развития, но, как справедливо отмечает А.Г. Асмолов, и основанием для укрепления общества как «единства разнообразия», формирования социальных норм толерантности и доверия как условия диалога культур в многонациональном российском обществе

Тот факт, что взрослые остаются важнейшими образцами и эталонами для подрастающего поколения, является крайне важным фактом, определяющим направленность и динамику социальных преобразований, становление нового семейного, образовательного, информационного пространства, в котором разные институты социализации формируют ценности и социальные нормы поведения детей.

Важность такой деятельности особенно важна в настоящее время в связи с тем, что материалы современных исследований доказывают, что люди склонны оценивать мир в соответствии со своими ценностями. Так, люди, открытые к изменению мира, открыты и к изменению ценностей и не склонны к их консервации. Напротив, консервативные люди, отрицающие изменчивость

ценностей, склонны игнорировать и изменения социальной среды. Рассмотрение этой проблемы в культурно-историческом дискурсе показывает, что содержание и форма трансляции ценностей и норм является важной детерминантой социализации детей.

В понимании различий в содержании образа мира между взрослыми и подрастающим поколением необходимо учитывать тот факт, что дети выросли в новой социальной ситуации, которая воспринимается ими, в отличие от взрослых, уже не как изменчивая и текучая, но как стабильная, а новые социальные реалии, ценности и нормы – как существовавшие всегда. Это, наряду с отношением к информации, ее содержанию и способам ее получения существенно отделяет их от взрослых. В то же время их осведомленность часто существенно отстает от их активности и умения контролировать и регулировать свое поведение, преодолевать трудности, инфантилизмом.

Проблема межпоколенного общения актуализируется в настоящее время следующими фактами:

- Кардинальными трансформациями социального пространства;
- Усилением социальной неопределенности;
- Увеличением продолжительности временного периода процесса социализации, активизацией ресоциализации и текучей социализации;
- Расширением информационного пространства и усилением его роли, частично заменяющей межпоколенные связи.

Серьезной проблемой является отсутствие фундаментальных психологических исследований и даже четкого определения, как самого понятия «поколение», так и факторов и механизмов межпоколенной трансмиссии.

Положительным моментом является наличие междисциплинарных исследований (социологических, экономических, культурологических, психологических), что доказывает продуктивность использования современной методологии постмодерна к анализу данного феномена.

В содержании психологических работ можно выделить, по крайней мере, три аспекта и направления в исследовании проблемы поколения

- Возрастно-психологический,
- Социально-психологический,
- Личностно-ориентированный.

Представляется, что в настоящее время возрастно-психологический аспект проблемы в определенной степени исчерпал себя. Не отказываясь совершенно от возрастных границ в определении поколения, необходимо признать, что это понятие не отражает полностью современную ситуацию, так как временные границы поколений изменяются. Традиционные возрастные группы дети-родители-дедушки и бабушки не являются абсолютными. В связи с серьезными трансформациями и текучестью норм возрастной разрыв между поколениями уменьшается и в этом смысле можно говорить о младших и старших подростках, как о двух поколениях, точно также можно говорить о дошкольниках и младших школьниках.

При этом социальные, экологические, культурные и этнические факторы оказывают все большее влияние на процесс образования новых поколений и временные границы между возрастными когортами. Доказательством того, что для определения поколения (и отграничения одного поколения от другого) служат именно смысловые и ценностные параметры, можно привести, например, имеющиеся сегодня определения поколений: потерянное поколение (Гертруда Стайн), молчаливое поколение, поколение Pepsi, поколение X (компьютерное), поколение Y и Z (Интернет-поколение).

Представляется, что можно использовать в качестве рабочего определение поколения как одной из форм неструктурированной большой группы, объединяющей людей с общими социальными представлениями, ценностными ориентациями и отношением к миру. Поэтому наиболее значимые исследования и результаты с моей точки зрения связаны с социально-психологическими и личностно-ориентированными подходами к проблеме поколения.

С точки зрения и теории, и практики основной проблемой является изучение межпоколенной трансмиссии. Особенно важным этот вопрос представляется в связи с тем, что известные варианты трансмиссии, описанные М.Мид, в настоящее время не полностью отражают специфику взаимодействия и обмена информацией представителей разных поколений. Прежде всего, процесс передачи опыта проходит сложными, зигзагообразными путями – не только вниз или вверх (постфигуративные и префигуративные) или по горизонтали (конфигуративные). Проблема в том, что в мегаполисах и на периферии (например, в малых городах и поселках) межпоколенная трансмиссия существенно отличается как по содержанию, так и по формам. Можно говорить о том, что в больших городах процессы обмена опытом, перехода от одной формы трансмиссии к другой существенно ускорены по

сравнению с более традиционными малыми городами, особенно в этнически гомогенных областях.

Огромное значение для межпоколенных связей и обмена опытом имеет и информационное пространство, в которое погружены разные члены семьи. Например, полученные в наших исследованиях данные показывают, что подростки не доверяют телевизионной информации и многим сообщениям и советам старших, не совпадающим с содержанием информации из интернета. При этом чем моложе люди, чем больше влияния на их поступки оказывает Интернет, а чем старше – тем большее воздействие оказывает TV. Поэтому нарушение межпоколенной трансмиссии происходит и из-за несовпадения информационных предпочтений.

Трансформации межпоколенных взаимодействий в настоящее время происходят и по вертикали, и по горизонтали, и по глубине, и по времени. Контакты становятся все более беглыми и поверхностными. Эти изменения уже более десяти лет назад отмечали в своих работах З. Бауман и М. Грановеттер, говоря о том, что наше время – это время «слабых связей» между людьми даже в одной семье. Проблема межпоколенных взаимодействий заключается и в неадекватности как жесткой, так и слишком мягкой трансляции, а также, особенно доминирующей в большинстве культур форме трансляции норм и ценностей, при которой транслируются в основном отрицательные эталоны (так нельзя, это плохо), а не положительные.

Можно предположить, что в настоящее время одной из форм структурирования поколенного сообщества и одним из способов межпоколенной трансмиссии является обмен не изолированными ценностями и социальными представлениями, но субкультурами. Субкультура в данном случае с психологической точки зрения может рассматриваться как способ обретения поколенческой идентичности и социализация в выбранной группе. Внутреннее смысловое поле создает эмоциональную пассионарность, отгораживающую уже во внешнем плане одну субкультуру (поколенческую группу) от других.

С этой точки зрения перспективными направлениями исследования представляются изучение особенностей вертикальных и горизонтальных взаимодействий, а также анализ форм и механизмов межпоколенной трансмиссии.

Говоря о проблеме социализации современных подростков и молодежи невозможно обойти стороной вопрос о тех рисках, которые могут привести к появлению негативных тенденций и существенно осложнить процесс вхождения в

мир взрослых не только в дошкольном возрасте, но, в последующие годы. Коротко, можно скомпоновать негативные факты следующим образом:

Неопределенность современной социальной ситуации связана с трудностями социально-психологической адаптации к постоянно меняющимся условиям, а сама непредсказуемость социальных условий может приводить к усилению эмоциональной напряженности, невротизации детей, особенно в условиях жестко заданных и контролируемых взрослыми ситуациями

Изменчивость и неопределенность социальной ситуации связана и с изменчивостью стереотипов и ценностей, что приводит к снижению социализированности взрослых и косвенно отражается на дошкольниках. Еще одним риском, связанным с этим фактором, является заниженная самооценка и сниженный уровень оптимизма по отношению к своему будущему, проявляющиеся уже в 5-7 лет.

Изменчивость и неопределенность ценностных ориентаций связаны также с риском возникновения конфликта поколений в выборе ценностей. Отдельно следует выделять конфликт ценностей семьи и ОУ, прежде всего, в определении ценности образования. Это приводит к снижению престижа ОУ и педагогов в глазах родителей и детей.

Снижение позитивных оценок и ожиданий взрослых и повышение тревожности детей связано также с невысоким уровнем интериоризации задаваемых взрослыми эталонов. Причиной этого феномена является, прежде всего, наиболее распространенный способ трансляции эталонов, при котором задается весьма неопределенный и изменчивый положительный образец, но очень четкий и конкретный отрицательный.

Поэтому важным моментом, который необходимо учитывать в содержании и форме общения взрослых и детей, является создание активной среды, необходимой для самореализации в XXI веке. Поэтому требуется конструирование программ и направлений деятельности и семьи, и ОУ, отображающих процесс конструирования новой социальной действительности.

2 Информационное воздействие и информационная социализация

Можно говорить о двух вариантах влияния СМИ и СМК на подростков в зависимости от формы этого влияние – непосредственной или опосредованной разными факторами и условиями. Непосредственное, прямое влияние основывается на механизмах эмоционального заражения и обуславливания. Другая форма влияния опосредуется индивидуально-личностными и социально личностными факторами.

В качестве оптимального источника прямого информационного влияния можно рассматривать искусство в различных его формах. Учет/не учет культуры и культурных особенностей восприятия и переработки информации сказывается и в формах презентации информации и степени доверия к ней подростков. При этом надо учитывать, что, несмотря на тот факт, что российская (как и вся европейская) культура является вербальной, в настоящее время начинает все больше доминировать визуальный способ восприятия информации. Об этом важном феномене пишут многие ученые, констатирующие изменение способа восприятия мира. Еще недавно для большинства людей слово являлось одним из основных носителей информации и параметров, на основании которых выстраивалось представление об окружающем. Сегодня ведущей образующей картины мира становится образ, а основную информацию несут зрительные гештальты, поэтому такую актуальность приобретают работы психологов, которые исследуют способы перекодирования вербальной информации в образную. При этом важным моментом является способность того или иного образа не только нести информационную нагрузку, но и вызвать определенные переживания. С этой точки зрения оптимальными в качестве информационных эталонов являются художественные образы. Совершенно справедливо считается, что художественный образ несет определенную содержательную и смысловую нагрузку, а форма художественного произведения, дополняясь эмоциональными смыслами, помогает восприятию через отождествление творца и зрителя, идентификацию их образов и слияние смыслов и эстетических переживаний. На этом достаточно долго строились и концепции воспитательной роли искусства и его влияния на становление культурной идентичности человека.

В этом вопросе представляется целесообразным несколько сузить рамки проблемы, сфокусировав внимание на вопросе идентификации слушателей с образами, всплывающими в сознании при восприятии произведения искусства. Именно новая идентичность, если она формируется в процессе информационного восприятия, во многом становится основой тех новых смыслов, новых образов, которые входят в самосознание, человека и вызывают эмоции и к героям, и к самому себе. Однако, говоря о влиянии образов культуры на современных подростков, нельзя обойти вниманием тот факт, что невысокий уровень культуры вызывает у них трудности при восприятии спектаклей, музыки, живописи. Это связано и с тем, серьезно изменилось и окружение, появились новые эталоны, а старые наполнились новыми представлениями. Пути преодоления этой дилеммы связаны и с

повышением культуры, и с изменением эталонов, вернее, приближением их к современности, чтобы сделать понятными многим. Осознание этого факта открывает пути для анализа тех процессов, которые происходят сегодня в информационном пространстве культуры и проявляющихся, например, в . осовременивании не столько самого сюжета, сколько способа его подачи зрителю. Изменение внешней формы романа или пьесы в этом случае служит для того, чтобы приблизить и сделать ее понятной зрителю, связать ассоциативно с близкими героями и ситуациями.

Говоря об информационном пространстве невозможно обойти вниманием и огромную роль современной музыки, которая существенно усовершенствовала способы воздействия на слушателей, соединяя определенные мелодии, уже не явно выраженные, с ритмом, и светом. Поэтому не только рок или блюз, но и современный рэп добиваются большего эмоционального резонанса, чем другие виды информационного воздействия. Состояние эмоционального возбуждения, почти экстатического, подкрепляется и движением, являющимся обязательным элементом таких концертов. Моторная активность стимулируется сочетанием высоких и низких тонов, громкостью и заданным ритмом. Все вместе – музыка, слова (имеющие хоть и починенное, но значение) и визуальные эффекты (свет, постоянно меняющий окраску и интенсивность, видеоэффекты, транслирующиеся на экраны) и движение дают необходимую разрядку, а потому популярность этой музыки постоянно растет. Интерес представляет и тот факт, что именно в недрах этого, направленного первоначально только на релаксацию, вида искусства, зарождаются в настоящее время и новые формы нравственного воздействия на зрителей-слушателей.

Как уже упоминалось, информационное воздействие может быть (и чаще всего является таковым) и опосредованным. Говоря о роли личностных качеств в процессе восприятия, переработки и интернализации информации, можно констатировать, что на сегодняшний день известно только о роли таких черт и состояний как напряженность, эмоциональная неустойчивость, неуверенность на характер воспринимаемой информации и степень восприимчивости к ней. При этом необходимо подчеркнуть, что развитие агрессивного поведения (но не агрессивности как черты личности) в этом возрасте не столько от информации, сколько от ее совпадения с эмоциональным состоянием подростков.

Таким образом, вопросы теории информационной социализации переходят в вопросы ее практики и эмпирики.

Имеющиеся на сегодняшний день материалы позволяют сделать вывод о том, что актуальность проблемы информационной социализации связана с большими возможностями расположенных в этом поле институтов и групп социализационного воздействия, а также с тем, что многие виды информации способны влиять не только на выбор стиля жизни подростков, но и на их представления о себе и мире.

Междисциплинарный дискурс этой проблемы расширяет возможности ее исследования и интерпретации полученных данных как в рамках когнитивной психологии и психологии личности, так и социальной психологии и задач развития. Недостаточная проработанность теоретических понятий и знаний ставит задачу разработки программы и методического инструментария исследований. Наиболее актуальным являются:

исследование механизмов трансляции и интериоризации норм, эталонов и ценностей,

изучение того, каким образом происходит восприятие, переработка и интерпретация информации, исходящей из разных источников и имеющей разную форму представленности (визуальную, вербальную, аудио).

проведение эмпирических исследований, дающих возможность определить структуру и степень интенциональности социальных представлений подростков и СМИ и СМК, а также степень их доверия к разным источникам информации.

изучение роли различных средств информационного воздействия на поведение и содержание идентичности подростков.

интеграция полученных материалов с проблемами реальной жизни, реальной социализации и формирования идентичности современных подростков.

3 Толерантность, социальное доверие и ксенофобия: определяющие факторы и группы риска

С начала 1990-х гг. российское общество находится в затяжном социальном и экономическом кризисе. Эпоха перемен, в которую современным россиянам довелось родиться, длится уже второе десятилетие. Как известно, в переходный период особое значение приобретают социальные отношения. Кого бояться и кого любят россияне, против кого будут «дружить»? Куда в России поворачивается психологический вектор, определяющий межгрупповые и межличностные отношения – к общности или к взаимному отчуждению?

Процессы глобализации превращают большие города, которые раньше обеспечивали защиту, в источники опасности. Для их жителей типичны страхи, тревоги, состояние неустойчивости и стремление не к общности, а к изоляции и

отделению от других. Насколько сегодня открыт и ориентирован на социальные отношения житель большого российского города – с одной стороны, поликультурного и перемешивающего, с другой – индивидуализирующего и разъединяющего? Кого этот житель не принимает, кому не доверяет, кого опасается? Насколько выраженными могут быть такого рода установки? И можем ли мы определить ту «точку кипения» чувств, ту выраженность установок, при которой фантомные предрассудки, негативные стереотипы и страхи превращаются в конкретные действия и поступки?

Существует три важных психологических феномена, исследуя которые можно получить ответы на поставленные вопросы – толерантность, доверие и ксенофобия. В течение нескольких лет сотрудники факультета психологии и научно-практического центра «Гратис» под руководством проф., д. псих. наук А.Г. Асмолова и проф., д. псих. наук Г.У.Солдатовой проводили «Мониторинг толерантности, социального доверия и ксенофобии» в различных регионах Российской Федерации. Для данного исследования был разработан специальный инструмент «Индекс толерантности, социального доверия и ксенофобии»³ – социально-психологический «термометр» состояния отношений в обществе, измеряющий различные показатели этих феноменов.

Первый феномен – толерантность – это тот «спасательный круг», за который ухватилось современное гуманитарное сообщество. Многие его представители приходят к мнению, что главной жизнеутверждающей идеей позитивного и оптимистического развития человечества должна стать толерантность. Такое мнение предполагает понимание толерантности как некой «срединной» точки на пути от ненависти к уважению и принятию. Одно это может стать важнейшим достижением в современном агрессивном мире. Уровень толерантности определяется через систему установок, ценностей и ориентаций личности, отражающих ее отношения к многообразию мира, к социальным, культурным, этническим и мировоззренческим различиям. Толерантная личность – это психологически устойчивый и нравственно

³ Над разработкой инструментария работали сотрудники центра «Гратис»: Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Скрипкина Т.П., Щепина А.И., Филилеева Е.В. В сборе данных принимали участие: Вершкова И.П. (Мишводь), Вацланова Э. (Чита), Гаджиева Э.Г. (Махачкала), Лютая Т.А., Макачук А.В., Муратов В.В. (Орел), Прокофьева Т.Ю., Рыжкова А., Сабодаш П.А., Солдатова Г.У., Стешко И.В. (Калининград), Филилеева Е.В., Чубанова Т.Р. (Махачкала), Щепина А.И. В статистической обработке участвовал Кричевец А.Н.

зрелый человек, который настроен на развитие позитивных социальных, межкультурных и межличностных отношений, исключающих конфронтацию и насилие.

Второй феномен – социальное доверие. Психологи рассматривают доверие как исходное условие общения, как отправную точку взаимодействия человека с миром. Важное условие возникновения доверия – это чувство безопасности и надежности, ощущение того, что окружающий мир не представляет угрозы. Уровень доверия определяется на основе установок и ожиданий по отношению к социальному миру и к самому себе.

Третий феномен – ксенофобия – неприязнь, враждебность и страх по отношению к непохожим на нас, «другим» – отдельным людям и целым группам. Ее психологическая функция – защита от других, ее цель – нерушимость границ и изоляция, либо полная, либо частичная. Уровень ксенофобии определяется через систему установок и оценок, отражающих положение на шкале «Мы-Они», «Свои-Чужие», через наличие авторитарных точек зрения на групповое взаимодействие, в котором «своя» группа доминирует, а «чужие» выполняют второстепенные роли и подчиняются. Последние становятся объектом ксенофобии, и позитивное взаимодействие между группами нарушается, увеличивая психологическую дистанцию между «своими» и «чужими».

В опросник вошла методика «Индекс толерантности» (Солдатова, Кравцова, Хухлаев, Шайгерова, 2002). Структура шкал и общая направленность этого экспресс-опросника была сохранена, но он был дополнен новыми вопросами. Специально были разработаны индикаторы, измеряющие ксенофобические установки. За основу блока «Доверие» была взята «Шкала доверия» Роттера, также дополненная новыми пунктами (Measures of personality..., 1991). Кроме того, в опросник были включены вопросы, позволяющие измерить различные социологические показатели социального самочувствия, и специальный блок, определяющий текущее эмоциональное состояние респондента. В данной статье мы представляем результаты блоков «Социальное самочувствие» и «Толерантность». Но сначала кратко охарактеризуем выборки представленных исследований.

Первый этап мониторинга толерантности, социального доверия и ксенофобии прошел в 6 городах, представляющих разные регионы России: центральные регионы – Москва, Орел; южные регионы – Минеральные Воды, Махачкала; восточный регион – Чита, западный – Калининград. Количество респондентов в регионах примерно равное. Общая выборка составила 543 респондента, из них 353 –

женщины и 180 мужчин. Возраст респондентов от 13 (старшеклассники) до 89 лет (см. таблица 1).

Таблица 1- Распределение по возрастам и образовательным группам

от	Возрас	%	образова	б.
лет	до 18	20	неполное среднее	0
лет	18-25	31	среднее	0
лет	26- 40	22	средне- техническое	1
лет	41-55	17	неполное высшее	4
55 лет	старше	10	высшее	5

Кроме того, в данной статье представлены результаты исследования особенностей формирования личности в современных молодежных движениях и организациях России (Солдатова, Г.У., Каюмова И., Мартынова Н.) и влияния фактора участия в боевых действиях на личность военнослужащего (Солдатова Г.У., Канчукова И.). Материал первого исследования собирался в течение 2002-2004 гг. В число респондентов вошли члены Союза коммунистической молодежи РФ (48 чел.), представители молодежного движения «Идущие вместе» (45 чел.) и члены неформальной организации «скинхеды» (74 чел.). Общая выборка составила 167 человек. Возраст опрошенных от 15 до 27 лет. Материалы были получены на основе методик «Индекс толерантности» и Опросника правого авторитаризма Альтмейера (Altemeyer, 1981). Исследование влияния фактора участия в боевых действиях на личность военнослужащего проводилось в 2003-2004 гг. в Грозном (Чечня) и в Чите. В качестве респондентов выступили военнослужащие (солдаты срочной службы, контрактники, офицеры) в возрасте от 19 до 27 лет. Всего было опрошено 135 человек при помощи опросника «Индекс толерантности» и анкеты.

Оценка жизненной ситуации как показатель социального самочувствия личности

В анкету мониторинга были включены традиционные социологические вопросы: восприятие современной ситуации в России, оценка собственной жизненной ситуации и ее динамики, оценка уровня жизни россиян, доверие к государственной власти, отношение к проводимым реформам, оценка чувства безопасности в семье, на улице, на работе (или в школе) и в целом в стране и другие. Все эти показатели оказались относительно связанными между собой (корреляции в основном на уровне 0,2 – 0,3). Для данного исследования они выступили в качестве базовых фоновых вопросов, отражающих различные аспекты социального самочувствия отдельной личности и целых групп. Ответы на эти вопросы различаются по регионам, возрастным, образовательным, гендерным и другим характеристикам и служат для нас важной основой анализа психологических показателей по различным критериям и группам. Сначала рассмотрим выборку в целом и дадим самое общее представление о восприятии жизненной ситуации.

Факторный анализ определил категории, в соответствии с которыми социологические показатели объединились в три группы. В первую группу "социальное самочувствие" вошли индикаторы уровня и динамики материального положения, оценки состояния российского общества и личной жизненной ситуации. Эта группа объединяет наиболее важные показатели социального самочувствия. Они в большей степени, чем другие фоновые индикаторы, связаны с эмоциональным состоянием: чем более позитивные ответы дает на данные пункты респондент, тем больше у него положительных эмоций и меньше негативных.

По категории "социальное самочувствие" больше половины респондентов считают, что состояние российского общества напряженное (55%), треть оценивают его как относительно благополучное и около десятой доли опрошенных рассматривают его как критическое.

Сравнение субъективных оценок собственной жизненной ситуации дает несколько более позитивную картину: около половины респондентов считают, что «жить трудно, но можно терпеть». Если присоединить к ним оптимистов, считающих что «все не так плохо и можно жить», то число людей с позитивным настроением достигает уже 74%. Но все же почти пятая часть опрошенных отмечают, что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно».

Половина опрошенных считают, что материальное положение за последние три года не изменилось, четверть полагают, что оно ухудшилось, в то же время снижение уровня жизни россиян отмечают 40% респондентов. Собственное материальное положение половина респондентов определяют как "среднее", треть

опрошенных оценивают его "ниже среднего" и всего 4% – как "плохое". Довольны своим материальным положением только 15% респондентов.

Следующая группа индикаторов – отношение к властям, к проводимым реформам, стратегии вложения денежных средств – объединилась в категорию, проинтерпретированную нами как «социальное доверие». По этой категории были получены менее позитивные ответы. Особо проблемный вопрос – доверие к государственной власти: только 8% продемонстрировали полное доверие и 35% полагают, что власть совсем не заслуживает доверия. Реформы в основном одобряются, хотя около 8% опрошенных предлагают их прекратить, и многие хотели бы, чтобы была пересмотрена программа реформ (48,9%). О низком социальном доверии говорит и то, что больше половины респондентов предпочитают либо сразу тратить деньги, «так как неизвестно, что будет завтра», либо хранить их дома. И как итог, безопасность в своей стране чувствует лишь один человек из 10, а безопасность на улице не достигает даже этой цифры – 8,8%; уровень безопасности высок только в кругу семьи (Рисунок 1).

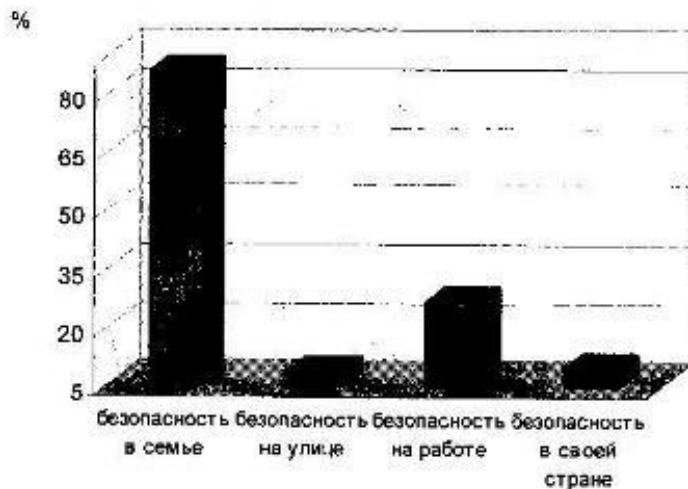

Рисунок 1- Чувство безопасности в разных жизненных сферах

Последний индикатор в числе других вошел в третью категорию "безопасность", включающую показатели оценки безопасности в различных жизненных сферах. Итак, только в семье россиянин чувствует себя защищенным. Отметим также, что чувство безопасности в семье имеет отрицательную корреляцию с чувством безопасности в своей стране.

Разделив наших респондентов на пять возрастных групп, мы обнаружили, что по мере взросления восприятие жизненной ситуации становится все менее оптимистичным: наибольший оптимизм характерен для респондентов до 25 лет, а наименьший – для тех, кто старше 55 лет (Рисунок 2). Более 40% респондентов старше 40 лет отметили, что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно», для сравнения только 15% респондентов из группы моложе 25 лет разделяют эту точку зрения, кроме того, они в 3 раза чаще выбирают ответ «все не так плохо и можно жить».

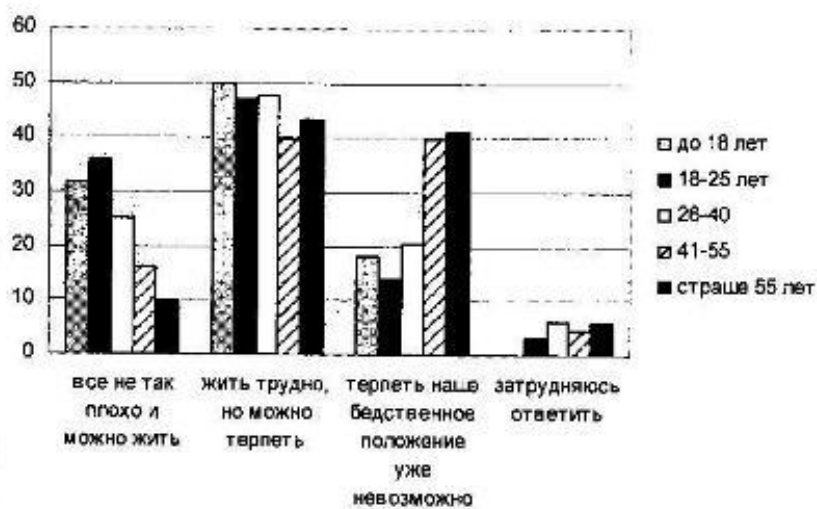

Рисунок 2 - Оценка жизненной ситуации в разных возрастных группах

Кроме возраста, на социальное самочувствие влияет фактор образования⁴. Респонденты с неполным высшим и высшим образованием в целом более оптимистично воспринимают жизненную ситуацию, особенно это касается студентов.

Сравнение ответов на данные вопросы по регионам показало, что на фоне других городов жители Москвы демонстрируют больший оптимизм и удовлетворенность жизнью. Позиция «все не так плохо и можно жить» разделяется более чем половиной москвичей, участвовавших в исследовании, и почти половина респондентов отмечают, что уровень жизни за последние 3 года вырос (Рисунок 3). Более трети оценивают свое материальное положение как хорошее. В

⁴ Здесь и далее использован однофакторный дисперсионный анализ.

эмоциональном состоянии москвичей преобладают положительные эмоции, в первую очередь интерес, любопытство, любовь.

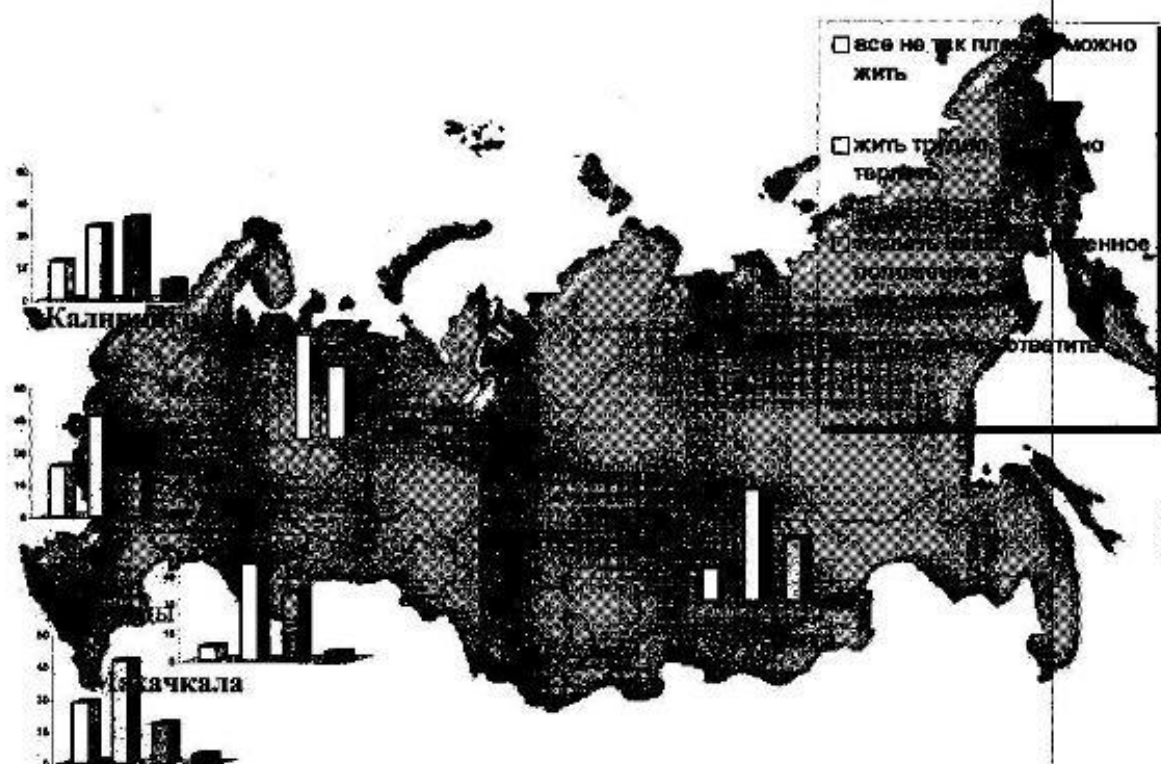

Рисунок 3 - Оценка жизненной ситуации в разных регионах.

По показателям социального самочувствия по сравнению с жителями других городов отличаются жители Калининграда. Особенно выделяются ответы калининградцев на вопрос «Следует ли продолжать социальные реформы?»: практически треть опрошенных считают, что реформы следует прекратить, что в 4 раза превышает число респондентов, имеющих такое же мнение в других городах. Проблемы, которые стоят на первом месте в Калининграде – это рост цен, рост преступности (эти проблемы актуальны и для других регионов), коррупция, экономический кризис, почти треть калининградцев опасаются вооруженных конфликтов. Второе место по неблагоприятному социальному самочувствию занимают Минеральные Воды. Практически 70% респондентов отмечают обстановку российского общества как напряженную, 58% считают, что уровень жизни снизился, и только очень небольшой процент респондентов считают, что вырос (9%); материальное положение ниже среднего у 35%. Таким образом, негативное социальное самочувствие жителей Минеральные Вод складывается в основном из недовольства экономическим положением. Чита, как и Минеральные

Воды, – не очень благополучный регион по индикаторам социального самочувствия. Ее жители по сравнению с жителями других городов оценивают свой уровень жизни как более низкий. Тем не менее, общая социальная обстановка жителями Читы воспринимается позитивнее.

Орел занимает среднее положение по социальному самочувствию. И даже лидирует по позиции «нужно продолжать реформы» (41%). Практически догоняет Москву по показателям социального самочувствия Дагестан. Треть дагестанцев отмечают, что уровень жизни вырос и «все не так плохо и можно жить». А в отношении состояния российского общества дагестанцы оказались даже более оптимистичными, чем все другие регионы: 38% считают, что оно «относительно спокойное». Характерные именно для Дагестана проблемы – безработица, обострение межнациональных отношений, произвол властей. Помимо экономических проблем, дагестанцев волнуют и национальные отношения.

Как показывают результаты мониторинга, психологические показатели толерантности, доверия и ксенофобии находятся в определенной взаимосвязи с социологическими показателями социального самочувствия. По мере снижения уровня социального самочувствия наблюдается, с одной стороны, уменьшение доверия и толерантности, а с другой – рост ксенофобии. Так, низким уровнем толерантности и доверия и высоким уровнем ксенофобии отличаются респонденты, которые драматически воспринимают свою жизненную ситуацию – «терпеть наше бедственное положение уже невозможно». Такая позиция определяет снижение уровня толерантности (в первую очередь этнической) и межличностного доверия, а также рост ксенофобии (Рисунок 4). Оценка современного состояния российского общества как критического, взрывоопасного также связана с низким уровнем толерантности и доверия и высоким уровнем ксенофобии, прежде всего, по отношению к незнакомым людям.

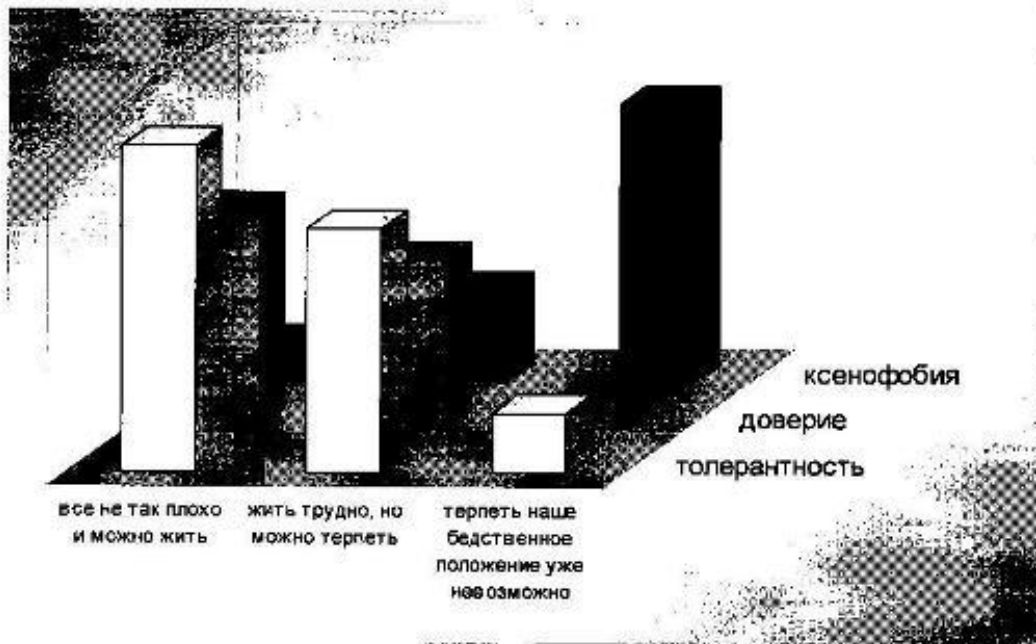

Рисунок 4 -Показатели толерантности, доверия, ксенофобии и оценка жизненной ситуации.

Динамика материального положения (улучшилось-ухудшилось) оказывает определенное влияние на этническую толерантность: те, кто отмечают, что за последнее время уровень жизни россиян в целом снизился, демонстрируют меньшую толерантность к этническим меньшинствам, чем те, у кого он вырос.

Толерантность

Анализ толерантных установок проводился по факторам «социальная толерантность» и «личностная толерантность» и по заданным априорно трем шкалам индекса толерантности: «этническая толерантность», «социальная толерантность» и «толерантность как черта личности».

Сравнение выраженности толерантных и интолерантных установок в целом по выборке показало, что жители больших городов России чаще готовы выражать общие гуманистические установки и быть толерантными при непосредственном межличностном контакте, чем демонстрировать толерантное отношение к различным социальным институтам и группам.

Уровень толерантности в различных городах России оказался неодинаковым. Жители Москвы – полиэтнического мегаполиса и Махачкалы – столицы полиэтнического Дагестана – показали себя наиболее толерантными (Рисунок 5). Уровень этнической толерантности у жителей Махачкалы значимо превышает все подобные показатели по другим городам. В Дагестане проживают свыше 30 народов, и ни один из них, хотя они существенно различаются по численности, не

обладает явным демографическим превосходством, которое бы дало возможность почувствовать себя фактическим большинством. Практически все население Дагестана состоит из этнических меньшинств. Этническая мозаичность этой республики – важный фактор, определяющий формирование у ее жителей высокой этнической толерантности.

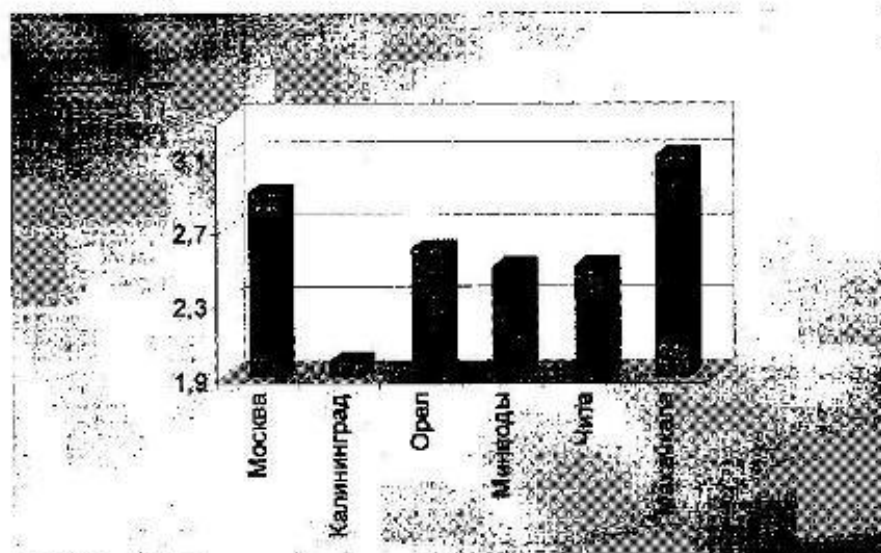

Рисунок 5 - Уровень толерантности у жителей разных городов⁵.

Низким уровнем толерантности на фоне остальных респондентов резко выделяются жители Калининграда (Рисунок 5). Недовольство проводимой политикой, агрессивный эмоциональный фон, общая напряженность, отличающие Калининград от других городов, включенных в мониторинг, видимо, послужили катализаторами интолерантности у его жителей. Кроме того, не стоит забывать об уникальном геополитическом положении Калининграда. Являясь «городом-анклавом» (причем не только в географическом, но и в психологическом смысле), Калининград стал «своим среди чужих», что, естественно, не могло не сказаться на идентичности и настроениях калининградцев.

Уровень толерантности в Минеральных Водах также невысокий, исключение составляет социальная толерантность: к социально уязвимым группам жители Минеральных Вод относятся несколько более терпимо, чем жители Калининграда. Аналогичный уровень толерантности демонстрируют респонденты Читы. Но в этом регионе, в отличие от Минеральных вод, выше этническая толерантность, а не

⁵ Данные представлены в средних значениях по категоризированным переменным (категоризация на 4 квантили).

социальная. Больше интолерантности в Чите следует ждать по отношению к социально уязвимым группам. Специфической особенностью читинских респондентов является расхождение личностных и социальных установок: фактор социальных установок и фактор личностных установок имеют небольшую, но значимую отрицательную корреляцию. Орел по показателям толерантности занимает среднее положение по сравнению с другими городами.

Для анализа возрастных особенностей проявлений толерантности, доверия и ксенофобии респонденты были разделены на четыре статусно-возрастные категории: школьники (ученики 10-11 классов), студенты, взрослое работающее население, пенсионеры. Анализируя показатели толерантности по этим группам, мы получили данные, подтверждающие результаты наших предыдущих исследований, а также исследований других авторов: уровень толерантности ниже у подростков и людей старшего возраста (пенсионеров), студенчество же, напротив, наиболее толерантная категория. В целом можно отметить, что кривая индекса толерантности в зависимости от возраста начинается с низких значений толерантности у подростков, затем претерпевает резкий скачок вверх на уровне студенчества и далее снижается, но даже у пенсионеров не достигает таких низких значений, как у подростков.

Старшеклассники демонстрируют низкий уровень толерантности и в межличностном, и в межгрупповом контексте, но в большей степени на личностном уровне, в то время как все взрослые категории респондентов по этому показателю близки друг к другу и имеют схожие высокие значения. Такая картина свидетельствует об особой значимости и неудовлетворенности подростка в первую очередь межличностными отношениями и о тенденции тотальной трансформации такой неудовлетворенности в интолерантные установки. Кроме того, школьники категоричны по отношению к обще-гуманистическим установкам.

Несмотря на это, подростки демонстрируют лояльность к конкретным маргинальным социальным группам (беженцам, бродягам, психически неполноценным) в отличие от пенсионеров, которые оказались настроены к ним интолерантно. Таким образом, в общей кривой, которую мы описали, заложены разные тенденции у разных возрастных групп: интолерантность подростков в большей степени складывается из личностных установок, а интолерантность взрослых работающих респондентов и пенсионеров – из социальных установок.

Гораздо более сильное влияние, чем фактор возраста, на формирование толерантных и интолерантных установок оказывает фактор образования. Этот

показатель отмечен как самый значительный из всех анализируемых. Психологи считают, что образование положительно коррелирует с толерантностью, и эта связь передается следующим поколениям. Образованность расширяет взгляд на мир, позволяет видеть все общество в целом и понимать, что благополучие одной группы связано с благополучием всех остальных. В исследовании было получено эмпирическое подтверждение этого тезиса: по всем шкалам толерантности респонденты с высшим или с несовершенным высшим образованием демонстрируют значительно более высокий уровень толерантности, чем респонденты со средним образованием.

Сравнение показателей по различным шкалам толерантности показало, что респонденты со средним и средне-техническим образованием значительно менее толерантны и по отношению к социальным группам, и по отношению к этническим меньшинствам, чем те, кто получил высшее образование. При этом с возрастом (после 40 лет) у респондентов со средним образованием значения по индексу толерантности снижаются, а у респондентов с высшим остаются неизменными. Самый низкий уровень толерантности был обнаружен у респондентов, не окончивших среднюю школу. Но не во всех случаях фактор образования выступает как доминирующий. Так, по шкале социальной толерантности он значим только у респондентов моложе 55 лет, у респондентов старше 55 лет вступает в действие фактор возраста и наблюдается снижение уровня толерантности в обеих образовательных группах. Та же закономерность проявляется по шкале толерантности как черта личности: в данном случае влияние образования существенно до 40 лет.

Анализ гендерных различий выявил следующую картину. Сопоставляя значения показателей личностной и социальной толерантности у мужчин и женщин, мы обнаружили, что влияние пола сказывается главным образом на личностной толерантности. Женщины более доверчивы и толерантны именно в сфере межличностного общения. Они менее склонны проявлять ответную агрессию, более готовы прислушиваться к мнению другого, признавать равенство прав различных групп и более доверчивы по отношению к близкому окружению. Но большая толерантность женщин не проявляется на уровне стереотипов по отношению к конкретным группам. Женщины, как и мужчины, могут считать, что люди той или иной национальности обладают негативными чертами, но тем не менее, готовы принять их в свое близкое окружение.

Степень проявления гендерных различий зависит от региона. Наиболее выражены они в Дагестане, что, возможно, объясняется культурными особенностями этого региона. В Москве, где поло-ролевые различия все более минимизируются и ценностные ориентации женщин сближаются с мужскими, гендерных различий по толерантности, ксенофобии и доверию выявлено не было.

С помощью исследования уровня толерантности возможно выявление групп риска, подверженных нетерпимости. Подтверждением этого служит сравнение представителей неформальной организации скинхеды со студентами в разных городах: индекс толерантности у скинхедов значимо ниже, чем у студентов Москвы и Махачкалы, у которых он оказался одинаково высоким. Ориентированность этой группировки на националистические идеи и агрессию как главный способ взаимодействия с представителями других этнических и социальных групп естественным образом отразилась на уровне толерантности.

Как показало исследование, не только для скинхедов характерен низкий уровень толерантности. У представителей молодежных движений с помощью опросника Альтмейера исследовалась склонность к антидемократической ориентации – так называемому «правовому авторитаризму». Этот опросник диагностирует совокупность установок, отражающих «авторитарное подчинение» (степень подчинения воспринимаемой законной власти в обществе), «авторитарную агрессию» (допущение со стороны власти агрессии и враждебности по отношению к представителям различных групп) и «консерватизм» (строгое соблюдение норм и традиций, которые воспринимаются как санкционированные признанной властью).

Средние значения по шкале правого авторитаризма выявлены у представителей молодежной организации «Идущие вместе», а также у группы студентов, выступающей в данном исследовании в качестве контрольной. По сравнению с этими двумя группами, высокий уровень антидемократической ориентации показали скинхеды (высокие значения по шкале правого авторитаризма в этой группе респондентов достигают 40%, для сравнения в группе членов движения «Идущие вместе» они не превышают 4%, а в студенческой группе – 1%). Еще выше показатель правого авторитаризма у представителей Союза коммунистической молодежи РФ, который превышает аналогичный показатель скинхедов более, чем в два раза. Высокие значения, отражающие антидемократическую ориентацию, у молодых коммунистов достигают 80 % от всего числа опрошенных представителей этой группы. Сравнительный анализ шкалы правого авторитаризма по субшкалам, представленным выше, показывает

высокие значения, во-первых, «авторитарной агрессии» и, во-вторых, «консерватизма» у скинхедов и молодых коммунистов.

Другим фактором риска в отношении доминирования установок нетерпимости является ситуация военных действий. Исследование влияния участия в боевых действиях на личность военнослужащего также выявило значимые различия по индексу толерантности между разными группами военных и контрольной группой студентов и определило еще одну группу риска. Фактор участия в боевых действиях оказал существенное влияние на уровень толерантности военнослужащих. Военные, принимавшие участия в боевых действиях (г. Грозный), показали более низкий уровень толерантности. У военнослужащих (г. Чита), которые не участвовали в боевых действиях, уровень толерантности в целом немного ниже, чем у контрольной группы студентов, но не так высок как у тех, кто участвовал в боевых действиях. Особенно близки значения индекса толерантности студентов и солдат срочной службы.

Среди военнослужащих, участвовавших в боевых действиях, самый низкий уровень толерантности оказался у офицеров, а самый высокий – у солдат срочной службы. Сравнение значений по отдельным шкалам толерантности по группе военнослужащих выявил, что наибольшее влияние факт участия в боевых действиях в Чечне оказал на снижение этнической толерантности и на формирование толерантности как личностной характеристики. Причем, если у контрактников снижена в большей мере этническая толерантность, то у офицеров – социальная толерантность и толерантность как черта личности. Но все-таки эти различия гораздо менее существенны, чем те, которые определяются фактором участия в боевых действиях.

Ксенофобия

Ксенофобия – страх перед чужаками, неприязнь и враждебность по отношению к непохожим на нас отдельным людям и целым группам. Это система установок, связывающих фактор угрозы с теми, кто причислен к категории «чужих». Исследовать эти их можно разными способами. Мы уже обозначали первый, самый обобщенный показатель, фиксирующий установки по отношению к различным этническим и социальным группам, выраженность этнофобий и этнокультурной предубежденности – «этническая и социальная толерантность». Но в мониторинг были включены еще два показателя, позволяющий дифференцировать ксенофобские установки и анализировать их направленность. Первый из них – индекс ксенофобии, вычисляемый по сумме двух шкал опросника – «ксенофобия в

отношении стигматизированных чужих» и «ксенофобия в отношении незнакомых». Под «стигматизированными чужими» понимаются группы людей с определенными физическими, психическими и социальными особенностями, которые большинством членов данного общества воспринимаются как нежелательные, и к которым как бы прикрепляется ярлык или клеймо (стигма), отделяющие их от остального мира. Это представители сексуальных меньшинств, больные СПИДом, инвалиды, проститутки, наркоманы, преступники, бомжи, психически неполноценные, беженцы.

Второй показатель – рейтинг «чуждых групп», который позволяет выявить конкретные адресаты ксенофобии и интолерантности. Респондентам в рамках анкеты предлагался перечень этнических меньшинств, социально уязвимых и стигматизированных групп (всего 18 групп). Давалась инструкция выбрать те группы, которые респондент считает чуждыми для себя. При ответе можно было отметить неограниченное количество «чужих», поэтому этот показатель кроме качественного анализа – на какие именно группы направлена ксенофобия – предполагает и количественное выражение: в какой степени окружающий социальный мир выступает как чуждый, опасный и отвергаемый.

На основе факторного анализа полученных ответов чуждые группы разделились на четыре класса. Первый условно был назван «восточные чужие», в него вошли: китайцы, кавказцы, чеченцы, мусульмане, цыгане, мигранты (беженцы), украинцы (попавшие также в представляемый ниже класс «славяне»). Все эти группы либо проживают на территории Российской Федерации, либо прибывают в Россию как экономические или вынужденные мигранты. Скорее всего, они ассоциируются у россиян с угрозой их физическому или материальному благополучию.

Следующий класс оказался наиболее неоднозначным и в сравнении с первым получил условное название «западные чужие» – в него вошли американцы, евреи, африканцы и гомосексуалисты (попавшие также в представляемый ниже класс «стигматизированные чужие»). Представители этих групп, вероятно, воспринимаются россиянами как отличающиеся по образу и стандартам жизни, ценностям, мировоззрению. Возможно, что с этой группой у россиян в большей степени ассоциируется страх разрушения ценностей, традиций, убеждений, установок. Если «восточные чужие» в восприятии россиян могут представлять реальную угрозу (терроризм, конфликты, войны, конкуренция на рынке труда), то «западные чужие» – это скорее символическая угроза идентичности россиян.

Третий класс – «стигматизированные чужие»: бомжи, больные СПИДом, проститутки, гомосексуалисты (вошедшие также в класс «западные чужие»), психически неполноценные, наркоманы, мигранты (попавшие также в класс «восточные чужие»). С этой группой связана угроза реальных и символических негативных последствий для личности и для группы. Являясь «отклонением от нормы», стигматизированные чужие порождают страх перед чем-то, что выходит за пределы среднего и привычного.

И, наконец, четвертый выделенный класс это – русские, православные и украинцы – он получил название «славяне». Выделенные группы позволяют проанализировать семантическое поле ксенофобии с точки зрения конкретных мишеней, на которые направлены агрессия и неприятие.

Десятая часть всех опрошенных либо не захотели искать чуждые группы, либо не нашли таковых среди представленного списка. У всех остальных поиск чужих не вызвал особых затруднений, а породил скорее явный и похожий естественный интерес. Каков же главный объект ксенофобии в российском обществе? На первом месте вовсе не этнические и не религиозные группы. Главной мишенью ксенофобии оказались стигматизированные группы: больные (наркоманы, больные СПИДом), психически неполноценные, люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией, проститутки, бомжи

В среднем каждый респондент назвал чуждыми 3 стигматизированные группы. В системе чужеродности россиян эти «чужие» не только занимают первое место, но значительно (более чем в 3 раза) опережают все другие группы. Символическая угроза идентичности, которую они несут, оказывается даже более существенной, чем реальная угроза, исходящая от чеченцев. Больше всего россияне опасаются наркоманов, бомжей, гомосексуалистов и проституток

Следом за «стигматизированными чужими» в иерархии чужеродности находится группа «восточные чужие», среди которых в качестве «наиболее чужих» выступают чеченцы, цыгане, кавказцы, китайцы. Далее следует группа «западные чужие», все представители которой получили приблизительно одинаковый рейтинг. И последняя группа – «славяне», их «чужими» называют крайне редко даже жители Махачкалы, представляющие различные этнические группы Дагестана (Рисунок 2).

У разных региональных, образовательных и возрастных групп существуют свои «предпочтения» в выборе чужих.

Сравнение индекса ксенофобии у жителей различных городов показало, что наиболее высокий уровень ксенофобии демонстрируют калининградцы, а самый

низкий – жители Махачкалы. Причем, ксенофобия калининградцев в большей степени направлена на стигматизированные группы. А низкий уровень ксенофобии дагестанцев складывается в основном за счет позитивного отношения к незнакомым. Культура гостеприимства, характерная для Кавказа, по-видимому, сглаживает естественное опасение незнакомцев.

Наименее предубеждены по отношению к стигматизированным чужим москвичи. И, несмотря на это, Москва лидирует по диапазону отмеченных чуждых групп. Это можно объяснить тем, что, являясь мегаполисом, Москва принимает большое количество приезжих, и москвичи чаще, чем жители других городов, сталкиваются с представителями различных этнических и социальных меньшинств. Неизбежность этого процесса «вынуждает» москвичей, с одной стороны, адаптироваться к многообразию и проявлять толерантность, по крайней мере, на уровне декларируемых позиций по отношению к различным группам. Но с другой стороны, наплыв приезжих и рост многообразия требует определенной психологической работы по обеспечению необходимого уровня закрытости для сохранения собственной идентичности.

Что касается адресатов интолерантности в разных городах, то Чита, Калининград и Москва – наиболее негативно по сравнению с жителями других городов относятся к группе «восточные чужие» (особенно к чеченцам), в отличие от Махачкалы и Минеральных Вод. В свою очередь дагестанцы, а также жители Читы лидируют по уровню предубежденности по отношению к «стигматизированным чужим». Дагестанцы по крайней мере в 3 раза реже называют чужими чеченцев. При этом они в большей степени опасаются проституток и психически неполноценных. По отношению к группе «западные чужие» наименьшее неприятие проявляет Калининград – как город, который близок (видимо, не только территориально) западному миру, а жители Читы, Махачкалы и Москвы чаще воспринимают западные ценности как чуждые.

Направленность ксенофобии зависит от возраста. Школьники, как наименее толерантная группа, в целом выбирают большое количество чуждых групп. Это период, когда категория «чужие» сильно увеличивается в размере. Социальный мир представляется подростку как четко разделенный на «Мы» и «Они», причем «Они» окрашиваются с присущим подростковому возрасту максимализмом преимущественно негативно. Взрослые люди живут в менее субъективно опасном мире, но их системы чужеродности сильно зависят от возраста. Мы получили значимые различия в отношении тех, кто считается «чужим», у взрослых

возрастных групп (старше 18 лет). Выбор групп класса «восточные чужие» и фактор возраста образуют обратную линейную зависимость: чем старше респондент, тем менее чуждыми являются для него группы, составляющие этот класс. Прежде всего, кавказцы и цыгане с возрастом перестают играть роль «чужих». И ни один респондент старше 40 лет не включил в «чужих» украинцев, по-видимому, при разделении на «своих» и «чужих» у этой группы людей еще действуют стандарты советской идентичности.

По отношению к «стигматизированным чужим» выявлена та же линейная зависимость, только с обратным знаком: с возрастом адресат ксенофобии от «восточных чужих» смещается в сторону «стигматизированных». Чем старше люди, тем большее значение начинают приобретать не реальные, а символические угрозы, затрагивающие сложившийся образ социальной нормы, то, что приемлемо с точки зрения стандартов идентичности.

Значимые различия проявляется и в отношении «западных» чужих. Западные ценности наиболее близки возрастной категории от 25 до 40 лет. Старшее поколение, ориентированное на консервативное сохранение своей системы ценностей, и современное студенчество, напротив, видят символическую угрозу в западном мировоззрении. Особенно негативно настроены студенты по отношению к американцам. Для некоторых людей старше 55 лет до сих пор актуальна такая разновидность советской ксенофобии как антисемитизм.

Не только возраст, но и уровень образования влияет на показатель ксенофобии. Он находится в такой же зависимости от уровня образования, как и показатель толерантности: чем выше уровень образования, тем слабее выражены ксенофобские установки. Респонденты с высшим и неоконченным высшим образованием более открыты миру, их мир «чужих» значительно уже, чем у респондентов со средним образованием. Количество отмеченных чуждых групп коррелируют с индексами толерантности (-0.42) и ксенофобии (0.35). Но если ответы на опросник могли быть подвержены социальной желательности, то выбор чуждых групп не имеет корреляции со шкалой лжи. Таким образом, можно утверждать с достаточной уверенностью, что образование действительно является существенным фактором, влияющим на толерантность и ксенофобические установки личности.

Главная мишень ксенофобии и интолерантности у лиц со средним образованием – это мигранты и представители Кавказа. Именно в это русло легче

всего направить ксенофобию мало образованных людей пропагандой, которую ведут националистически настроенные организации и СМИ.

Анализируя гендерные различия, мы обнаружили, что у мужчин и женщин адресаты интолерантности разные. Мужчинам свойственно чаще, чем женщинам, называть чуждыми «западных чужих» (американцев, евреев, гомосексуалистов, африканцев). По регионам это проявляется в Махачкале и Калининграде. А вот женщины (особенно в Москве) считают чуждыми для себя бомжей и наркоманов, т.е. стигматизированные группы, представляющие «социальное дно», с которыми можно столкнуться в обычной жизни, и которые могут оказаться реально опасными.

Поиск и определение чуждых групп связано также с субъективными показателями социального самочувствия. Чем более психологически тяжелой воспринимается ситуация, тем уже круг «своих» и тем больше чуждых групп мы находим вокруг.

В этом контексте показательна связь ксенофобских ориентаций с чувством безопасности и, следовательно, с фактором угрозы, которую субъективно ощущают люди и которая является основой их социальных страхов. 60% респондентов отметили, что они ощущают себя в безопасности только в семье. Эти респонденты не чувствуют себя в безопасности в других более широких социальных сферах: на улице, на работе, в своей стране. Их безопасное жизненное пространство ограничено только семьей. По мере расширения социального жизненного пространства (от семьи до страны) количество людей, отмечающих, что чувствуют себя в безопасности, уменьшается.

Чем в меньшей степени жители больших городов ощущают себя в безопасности на работе, на улице или в школе, тем больше чуждых и опасных групп они находят за их пределами. Противоположный эффект оказывает высокий уровень ощущения безопасности в семье: чувствуя себя защищенным в своей семье, человек чаще воспринимает окружающий мир как более чуждый. В обоих случаях безопасное социальное пространство человека существенно уменьшается, а ксенофобская ориентация усиливается.

Эти данные показывают, что снижение чувства безопасности и рост ощущения угрозы становятся важным фактором, стимулирующим рост ксенофобских установок. Угрожающий мир вынуждает дозировать степень открытости и доверия. Мы рассмотрели, какие социальные группы воспринимаются жителями больших городов как опасные и чуждые, теперь обратимся к другому полюсу отношений – к проблеме доверия. Доверие – это также определенное

отношение к инаковости другого. В зависимости от того, как решается вопрос о доверии, человек регламентирует свои отношения с миром, определяя степень возможной открытости.

Доверие

Индекс доверия включал в себя две шкалы: «социальное доверие» и «межличностное доверие». Сравнительный анализ шкал доверия показал, что жители всех городов в большей степени готовы проявлять доверие в межличностной сфере, чем по отношению к различным социальным институтам и группам. Эта тенденция характерна для всех исследуемых нами статусно-возрастных категорий.

Как и ксенофобские ориентации, степень доверия зависит от субъективных показателей социального самочувствия, в частности, от ощущения безопасности, отсутствия фактора угрозы. Чем более защищенным чувствует себя человек в семье, на улице и на работе (т.е. в узких социальных контекстах), тем в большей степени он готов проявлять доверие в межличностных отношениях. Кроме того, такая позиция сопровождается более позитивным эмоциональным фоном. Особенно важно для межличностного доверия чувство безопасности в семье, которая является отправной точкой всех взаимоотношений человека с миром. У респондентов, чье безопасное социальное пространство расширено до границ страны, значимо выше уровень социального доверия.

Несмотря на низкие показатели социального самочувствия и низкий уровень толерантности, наиболее социально доверчивыми оказались калининградцы. Такой результат свидетельствует о том, что между доверием и толерантностью не существует однозначной связи. Кроме того, это определяется и особенностями данных психологических феноменов – доверие (и межличностное, и социальное) связано с самостью человека, это интимная характеристика Я, в то время как толерантность – это скорее «публичная» характеристика Я, связанная с отношениями. В связи с этим социальная ситуация может спровоцировать конфликт между проявлениями толерантности и доверия. Например, как в случае Калининграда, где была выявлена сопряженность высокого уровня социального доверия с интолерантностью (корреляция $-0,31$). Можно предположить, что такая связь формируется в результате роста напряженности, обусловленной окружением «чужими», отношение которых калининградцы нередко воспринимают как враждебное, и необходимости в целях снижения этой напряженности доверять «своим» – местным властям, от которых ждут защиты и поддержки. Схожая тенденция проявляется в Чите. Для жителей самого восточного и самого западного

городов, включенных в наше исследование, оказался характерен внутриличностный конфликт, основанный на разнонаправленности установок личностного и социального уровней: желание и стремление доверять входит в противоречие с реалиями окружающего мира, с неудовлетворенностью социальными отношениями и их напряженностью.

Для москвичей же, напротив, характерна связь доверия и толерантности (+0.5). Возможно, именно благополучное социальное самочувствие москвичей стало основой для такой связи. Школьники и студенты – категории с позитивным социальным самочувствием – также обнаруживают связь этих индексов. Таким образом, по-видимому, положительная связь между доверием и толерантностью возникает при условии восприятия социальной действительности в целом как позитивной, неугрожающей и говорит об отсутствии внутриличностных конфликтов. И все же ожидать интолерантности прежде всего стоит от людей с низким межличностным доверием, причем в первую очередь у них снижается социальная толерантность

1 – группа с низким уровнем межличностного доверия

2, 3 – средний уровень межличностного доверия

4 – высокий уровень межличностного доверия

С уверенностью можно сказать, что межличностное доверие гораздо более связано с толерантностью в целом, чем социальное доверие. Доверие к социальным структурам может сопровождаться толерантным отношением и отсутствием ксенофобии, но это совсем не обязательно. Социальное доверие даже обнаруживает небольшие отрицательные корреляции с толерантностью как чертой личности (например, в Минеральных Водах). Единственное исключение составляет ксенофобия по отношению к незнакомым. Она часто сопровождается недоверием в социальной сфере. Ожидание угрозы от абстрактных незнакомых провоцирует ограничение доверия не только в межличностных отношениях, но и ко всему социальному миру. Особенно это проявляется у таких категорий, как пенсионеры и школьники.

По индексу доверия все другие группы обгоняют школьники, но анализ отдельных шкал показал, что школьники – категория с высоким уровнем только социального доверия. У них резко разошлись показатели социального доверия, которое выше, чем у респондентов других статусно-возрастных категорий, и межличностного доверия, которое гораздо менее выражено, чем у всех остальных групп. Недоверие возникает у подростков не в социальной сфере – из всех групп они

наиболее открыты для социальных взаимодействий, склонны доверять социальным институтам и агентам, в том числе и по причине того, что в данном возрасте область социальных отношений не столь актуальна. Недоверие возникает у подростков в той сфере, которая для них наиболее важна – в межличностных отношениях, конкретных контактах с другими людьми. Элитарность категории «Мы», характерная для школьников, значительно сужает круг тех, кому можно доверять.

С возрастом уровень межличностного доверия растет, а социального (по сравнению со школьниками) резко уменьшается и остается приблизительно одинаковым в разных статусно-возрастных группах. Наиболее гармоничная группа с точки зрения соотношения социального и межличностного доверия – это студенты.

По уровню социального доверия особенно яркие различия наблюдаются между респондентами с неоконченным высшим или с высшим образованием и респондентами, имеющими среднее образование. Люди, принадлежащие к первой группе, значительно менее доверяют социальным структурам, чем люди со средним образованием. Самый низкий уровень социального доверия продемонстрировали респонденты с высшим образованием до 40 лет. В качестве одного из объяснений такого влияния фактора образования может рассматриваться большая критичность у людей с высшим образованием к социальным агентам и институтам.

Гендерные различия также проявляются именно на уровне социального доверия. Мужчины больше отождествляют себя с социальным миром (миром политики, прежде всего), считают себя включенными в него, женщины же чаще мыслят категориями семейного круга. Это одно из возможных объяснений, почему мужчины обладают большим социальным доверием. Они в 2 раза чаще, чем женщины отмечают чувство безопасности в своей стране, а женщины в большей степени чувствуют себя в безопасности в семье.

Эмоциональный фон

Эмоциональное состояние – немаловажный индикатор отношений человека к миру. Установки по отношению к различным группам всегда преломляются через призму эмоций. В данном исследовании мы не ставили задачу выявить эмоциональный компонент установок, а предполагали в целом диагностировать преобладающий эмоциональный фон жителей больших городов и выяснить, оказывает ли он влияние на показатели толерантности, ксенофобии и доверия. Для оценки эмоционального состояния, респондентам был предложен список из 35 эмоций (15 позитивных и 20 негативных), из которых можно было выбрать 5. В целом рейтинг эмоций выглядит следующим образом: на первом месте надежда, ее

испытывают 44% опрошенных, любовь занимает второе место (34,1%), следом идет чувство тревоги (30,8%), дальше следуют вера (26,9%), интерес (25,2%), радость (22,5%), но за ними почти вплотную – неуверенность (19%), разочарование (18,4%), обида, беспомощность, недоверие и гнев

Такой рейтинг выглядит вполне оптимистично, но при сравнении выборов всех позитивных и всех негативных эмоций в целом разница оказывается совсем небольшой, а лидерство в рейтинге позитивных эмоций достигается за счет того, что, выбирая положительные эмоции, люди оказываются более солидарны, спектр же негативных эмоций значительно шире. Математическая обработка позволила выделить следующие аффективные комплексы: комплекс тревоги (тревога, страх, беспомощность, неуверенность), комплекс вины (вина, стыд), комплекс агрессии (гнев, злость, ненависть). Они были использованы при анализе связей между эмоциональным состоянием и другими показателями.

Исследование показало, что положительные эмоции сопровождаются более высоким уровнем межличностного доверия, в меньшей степени социального, и низким уровнем ксенофобии к незнакомым. Негативные эмоции действуют противоположным образом: особенно снижает доверие аффективный комплекс тревоги (тревога, беспомощность, неуверенность, страх).

Литература

- Андреева Г.М. Презентации идентичности в контексте взаимодействия. Психологические исследования, 2012, 5(26), 1. URL: <http://psystudy.ru>
- Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 2000.
- Андреева Г.М. Социальная психология. Аспект-пресс 2009.
- Асмолов А.Г. Оптика просвещения: социокультурные перспективы М.: Просвещение, 2012
- Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. Академия 2009.
- Белинская Е.П., Дубовская Е.М. Изменчивость и постоянство как факторы социализации личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. № 5 (7).URL: <http://psystudy.ru>
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.

Гребенникова О.В. Социальная интеракция дошкольников в процессе их социализации. Феноменология современного детства: сб. науч. ст. В 3 ч. / под ред. Т.Д.Марцинковской. Ч. 3. Социальная ситуация развития детей и подростков. М.: Федеральный институт развития образования, 2013.

Иванова И.В. Влияние переживаний на развитие личностной идентичности у детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста. Автореф.дисс.на соискание ученой степени кандидата психологических наук М. 2001.

Изотова, Е.И. Особенности отражения современных реалий детской субкультуры в изобразительной деятельности (свободном рисунке) дошкольников и младших школьников / Е.И. Изотова // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные решения. М.: МОДЭК, 2013. – № 1.

Категория переживания в психологии и философии . Монография М., Прометей, 2005

Категория переживания в психологии и философии. М.: Прометей, 2005

Концепция социализации и индивидуализации в современной психологии. М. Обнинск 2010.

Кончаловская М. М. Особенности становления личностной идентичности в дошкольном и младшем школьном возрасте. Автореф.дисс.на соискание ученой степени канд. психол. наук Москва, 2006

Марцинковская Т.Д. Социальное пространство: теоретико-эмпирический анализ. Психологические исследования, 2013, 6(30), 12. URL: [http:// psystudy.ru](http://psystudy.ru)

Марцинковская Т.Д. Феноменология и механизмы развития: историко-генетический подход. Психологические исследования, 2012, 5(24), 12. URL: [http:// psystudy.ru](http://psystudy.ru)

Марцинковская Т.Д. Информационное пространство как фактор социализации современных подростков Мир психологии. № 3 2010

Методологические проблемы современной психологии – парадигмальный и междисциплинарный аспект. М., Смысл, 2005

Фельдштейн Д.И. Социализация и индивидуализация – содержание процесса социального взросления // Возрастная психология: Детство, отрочество, юность. Хрестоматия. М.: Academia, 2003.

Харре Р. Метафизика и методология: некоторые рекомендации для социально-психологического исследования // Социальная психология: саморефлексия маргинальности. М. ИНИОН РАН, 1995.

Хелкама К., Похьянхемо Е. Размышления о ценностях и общественной нестабильности // Константа в неопределенном и меняющемся мире / Под ред. Марцинковской Т.Д. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. С.334-343

Хузеева, Г.Р. Динамика развития идентичности у детей дошкольного возраста / Феноменология современного детства: сб.науч.ст.в 3ч. / под ред. Т.Д. Марцинковской / Ч.2. Современная ситуация развития детей и под ростков. – М.: Федеральный институт развития образования. – 2013.

Хузеева, Г.Р. Особенности коммуникативной компетентности современных дошкольников. // Психология обучения. – М., 2014. – №11.